

Н.И. Барсов

Св. Ефрем Сирин, как проповедник

Опубликовано:
Христианское чтение. 1886. № 5-6. С. 732-770.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Св. Ефремъ Сиринъ, какъ проповѣдникъ.

I. Черты его біографіи, нравственнаго развитія и умственнаго образованія. Отношеніе его къ «еллннской мудрости» и къ наукѣ вообще. Проповѣди Ефрема : о томъ, что не должно обольщаться еллнскими мнѣніями» и о землетрясеніи. II. Общій характеръ церковно-учительной дѣятельности Ефрема. Ефремъ, какъ экзегетъ. Общій итогъ церковно-учительной дѣятельности Ефрема и бібліографія проповѣдей. Классификація ихъ. Степень ихъ достоинства. Общій характеръ его проповѣдническаго ученія. Черты сходства его проповѣдей съ поученіями аввъ египетскихъ, особенно Макарія В. III. Правовучительная проповѣдь Ефрема, ея общая схема. IV. Доктринская его проповѣдь. Анализъ словъ «о крестѣ» и «на еретиковъ». V. Статистическія особенности проповѣдей Ефрема.

I.

Біографія этого великаго отца и учителя церкви, не смотря на то, что ни одинъ изъ изслѣдователей, посвящавшихъ свои труды духовной литературѣ натристическаго періода, не оставилъ его безъ должнаго вниманія ¹⁾, до сихъ поръ не разработана и исполнена

¹⁾ Свидѣнія о его жизни первоначальныя: въ его собственныхъ сочиненіяхъ «обличеніе самому себѣ—зѣповѣдь» и «завѣщаніе» (русс. переводъ Моск. академіи ч. I, стр. 32 и 208, ч. VII, стр. 201—220); похвальное слово Ефрему *Григорія Нисскаго* (твор. Григорія въ русс. перев. ч. VIII). *Созомена* II. II. III, 16 по русс. переводу стр. 206—210; *Иеронимъ*—«о значит. мучахъ» гл. 115. *Палладій*—въ Лавсанкѣ; *Теодоритъ* II. II. II, 30; IV, 29 по русс. перев. стр. 189 и 295. *Фотій*, *Biblioth. cod.* 193. *Геннадій de script. eccles.* с. 3, 66 и 74. *Du-Pin*: *Bibl.* t. II. *Cotelierius Monum. Graec.* t. III. *Tillemont Hist. ecclesiast.* t. IV. *Fabricius Bibl. Graec. lib.* 5. *Oudinus script. eccles.* t. I. *Ceiller* t. VIII по изд. 1860 г. т. VI.) *Schröckh, Kirch. Gesch.* th. VIII и XV и др.

Жизнеописанія Ефрема, составленные въ позднѣйшее время, собраны и напечатаны при римскомъ изданіи твореній Ефрема *Ассемани*: *Ephremi Syri opera.*

противорѣчіи. Сирскій жизнеописатель св. Ефрема говорить, на-
прижѣръ, что онъ былъ сынъ языческаго жреца, который за пре-
дѣла exstant, graeco, syriaco, latine, in VI tomos distributa. Romae 1732—1746,
томъ I; здѣсь именно помѣщены біографія Ефрема, составл. Свм. *М. Лафра-*
стомъ, неизвѣстнымъ греческимъ авторомъ, *Амфилохіемъ* Пкомійскимъ и *Иа-*
ладіемъ Елевнопольскимъ. Въ III т. сирскихъ сочиненій Ефрема помѣщено
крошъ того два жизнеописанія Ефрема неизвѣстныхъ авторовъ, на сирскомъ
языкѣ, краткое и подробное, съ латинскимъ переводомъ, озаглавленнымъ Acta
Sancti patris nostri Ephraemi Syriaca, auctore anonimo (pp. XXIII — LXIII).
На рускомъ языкѣ: прибавл. къ твор. св. Отецъ въ русс. переводѣ за 1848 г.
(проф. моск. академіи свянц. А. К. Соколовъ: «жизнь св. Ефрема, характеръ
его сочиненій и черты ученія»). «Нѣкоторыя черты изъ ученія св. Ефрема»
тогоже автора—Прибавл. 1849 г. На латинскомъ языкѣ: въ acta sanctorum—
изд. Болландистовъ (подъ 1 февр. стр. 67—73); *Сольская* очеркъ священной
бібліографіи и экзегетики (Труды Кіев. акад. 1866 г. № 11, стр. 309—311).
Св. Ефремъ Сирійцъ, какъ проповѣдникъ, *И. Забѣлина* (Руковод. для сельск.
пастырей, 1874 г.). На нѣмецкомъ языкѣ: *Gaab*, Zuge zu einer pragmat. Bi-
ographie Ephrem Syr. (въ сборникъ *Паулюса* Memorabilia T. N. Leipzig 1762 г.)
Hahn: Ephraem d. Syrer üb. d. Willensfreiheit (in Illgens Abhandlungen).
Ulmanus Ephraem d. Syrer — Theologie). *Hahn*. Ephraem Syrer Sermoner
gegen Juden, übers. von Hahn (in Illgens Abhandlung III, Leipz. 1824). *Als-*
leben, das Leben des heil. Ephraem des Syrer, aus dem Syrischen übersetzt...
Berlin, 1853. Thom. Jos. *Lamy*: hymni et sermones s. Ephremi. Mechlinae,
1852 г. *Ferry*—S. Ephrem poete. Paris. 1873. Болѣе подробныя бібліогра-
фическія указанія о Ефремѣ Сиріанъ см. Прав. собесѣд. (ст. Терновскаго) 1884 г.
октябрь и у Паниля § 129.

Изданія его сочиненій: *Phoca*: opera S. Ephraemi, graeco et latine, ed. Voss
Romae 1589—1597. 3 тома—ed. Colon. 1603, 1616, 1619 г.,—ed. Antverp
1619 г.—ed. graeco Thmaites, Oxon. 1709.—illustr. auct. lat. ed. Stud. card.
Quirini, venet. 1755.

Лучшее изданіе твореній Ефрема: Ephraemi Syri opera, quae exstant graeco,
Syriace, latine, in VI tomos distributa. Romae 1732—1746 гг. Это такъ назыв.
Ватиканское изданіе *Ассемани*, трехъ изрочитовъ XVIII в.—Іосифа Ассемани,
бібліотекари въ Ватиканѣ, его брата Іосифа Алонзіа, профессора восточныхъ
языковъ въ Римѣ, в Стефана Еводія, епископа. Имъ предпринята была позже
Bibliotheca orientalis, въ которой указаны недостатки изданія твореній Ефрема,
ими начатаго, продолженнаго (томы IV и V) Беледякомъ, а оконченнаго (т. VI)
Стефаномъ Ассемани. Много неизданныхъ сочиненій Ефрема въ армян. переводѣ.
Армянскій переводъ изданныхъ сочиненій Ефрема сдѣланъ Мехитаристами въ
1830 г. въ Константинополѣ и въ 1836 г. въ Венеціи въ IV т. Въ 1833 г. изданы
толкованія Ефрема на посл. ап. Павла, найденныя въ армянск. переводѣ. Ephraemi
S. commentarii in epistolas Pauli, armen. et lat., studio Bart. Ancher. Venet.
1833. Остальныя изданія сочиненій Ефрема, а равно недостатки изданія Ассе-
мани см. у Филарета Черн. ист. ученіе объ отцахъ § 130 и у Seiler, въ

данность его Христу изгналъ его изъ своего дома ¹⁾. Самъ же св. Ефремъ говоритъ, напротивъ, что „отъ отцевъ онъ получилъ наставленіе о Христѣ“, что „отцы при немъ исповѣдали Христа предъ судією“, и что онъ „родственникъ мученикамъ“, что „родившіе его по плоти внушили ему страхъ Господень“ ²⁾. Трудно согласить столь противорѣчивыя показанія, если не допустить, что Ефремъ, сообразно свойственному ему складу мысли и рѣчи, подъ „отцами“, отъ которыхъ онъ получилъ наставленіе о Христѣ, разумѣетъ не плотскихъ родителей, а духовныхъ отцевъ, пустынниковъ низибійскихъ, между которыми онъ поселился послѣ того, какъ „подобно кораблю безъ руля“, блуждая по морю житейскому, былъ вразумленъ свыше тяжкимъ испытаніемъ; что касается „родителей по плоти“, то они „внушили ему страхъ Господень“ вѣроятно отрицательнымъ путемъ, когда изгнали его изъ своего дома и заставили такимъ образомъ въ одною Господѣ искать себѣ успокоенія. Если же признать здѣсь въ разсказѣ Ефрема буквальный смыслъ, то, конечно, нельзя не отдать ему предпочтенія, и въ такомъ случаѣ признать сказаніе сирскаго жизнеописателя ошибочнымъ ³⁾. Хронологія не установлена для главнѣйшихъ фактовъ жизни Ефрема, каковы годы его рожденія и кончины, годъ его свиданія съ Василіемъ Великимъ, годъ посвященія въ діакона, время пребыванія его среди египетскихъ отшельниковъ. Годомъ его кончины А. К. Соколовъ

histoire generale t. VI (по изд. 1860 г.). Русскій переводъ твореній Ефрема по частямъ—въ Роскресномъ Чтеніи и въ Христіанск. Чтеніи (см. по указателямъ). «Полный» переводъ, въ 8 томахъ, въ изд. Твор. св. Отцовъ въ русс. переводъ, подъ редакціей Делянина, Москва. 1818—1854 г.

¹⁾ Opp. Ephr. Syr. t. III, p. XXIV.

²⁾ Обличеніе самому себѣ, русс. изд. твор. Ефр. т. I, стр. 221—228.

³⁾ Западные гомилеты, напримѣръ Наниль (pragm. Geschich. der Christl. Beredsamk., § 120, s. 438) и Гарнакъ (Th. Harnack—Praktische Theologie band. 2, 1878 г. § 13, s. 70) сдѣлываютъ исключительно сирскому біографу Ефрема, совершенно игнорируя его автобіографическія сообщенія. А. К. Соколовъ (Прибавл. къ Твор. св. Отцовъ, ч. 7-я 1848 г. стр. 25, сдѣлуетъ Ефремову обличенію самому себѣ, понимая его слова буквально. Преосв. Филаретъ (Историч. ученіе объ отцахъ церкви § 128) пытается согласить оба сказанія предположеніемъ, что отецъ Ефрема принялъ въ послѣдствіи христіанство и тогда перемѣнилъ свои отношенія къ сыну, который крестился лишь на 18 году жизни, въ болѣе раннихъ лѣтахъ, давъ лишь обѣтъ крещенія.

(въ Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ) и преосв. Филаретъ черниговскій считаютъ 372-й, слѣдѣя *краткому* сирскому жизнеописанію Ефрема, сказанію католикоса Діонисія и свидѣтельству блаж. Іеронима, и отвергая свидѣтельство *пространнаго* сирскаго жизнеописанія Ефрема, которое замѣчаетъ, что Ефремъ оплакивалъ кончину Василия Вел., которая относится къ концу 378 г. *Паниль*, считающій годомъ рожденія Ефрема 337-й, кончину его относитъ къ 378 г., *Гарнакъ* — къ 380 г., архим. *Арсеній*, авторъ „Лѣтописи церковныхъ событій“ (Спб. 1880), говоритъ, что Ефремъ скончался 28 января 379 г. Съ своей стороны мы считаемъ указаніе *пространнаго* сирскаго жизнеописанія совершенно правильнымъ, каково бы ни было относительное достоинство его свидѣтельствъ въ другихъ отношеніяхъ. Послѣ свиданія его съ Василиемъ, происшедшаго въ бытность послѣдняго архіепископомъ (онъ хотѣлъ посвятить Ефрема въ пресвитера), слѣдовательно послѣ 370 года, когда Ефремъ возвратился уже въ Едессу, Василий прислалъ къ нему нарочитыхъ съ предложеніемъ епископства. Слѣдовательно, кончина Ефрема послѣдовала не немедленно по возвращеніи его въ Едессу послѣ свиданія съ Василиемъ. Затѣмъ Ефремъ составилъ похвальное слово Василию уже умершему, и какъ видно изъ его содержанія, оно написано спустя значительное время послѣ его смерти. А Василий, какъ уже сказано, скончался въ концѣ 378 или 379 г. Нужно отвергнуть подлинность этого слова, чтобы отнести годъ кончины Ефрема къ болѣе раннему времени. Но признаковъ неподлинности этого слова, хотя оно и не изъ лучшихъ произведеній Ефрема, никакихъ мы въ немъ не находимъ. *Іеронимъ* говоритъ неопредѣленно, что Ефремъ скончался въ царствованіе Валента (364—378). Наконецъ въ письмѣ Ефрема къ монаху Іоанну (соч. Ефр. IV, 143) содержатся указанія на еретиковъ, которые раздѣляютъ Господа І. Христа на двое, причемъ Ефремъ, называя пресвятую Дѣву Богородицей, отнюдь не хочетъ именовать ее челоуѣкородицей, что, повидимому, указываетъ на зачатки Несторіанства. Слѣдовательно нужно или счесть это посланіе писаннымъ не Ефремомъ—для чего рѣшительно нѣтъ оснований — или предположить, что Ефремъ дожилъ до времени зарожденія

Несторіанства и скончался въ первой четверти V в., въ чѣмъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ число лѣтъ его жизни, — если предположить, согласно пространному сирскому жизнеописанію, что онъ родился въ первыхъ годахъ IV вѣка и былъ съ Іаковомъ на Никейскомъ соборѣ, — не много превышало сто лѣтъ. Такое долголѣтіе вовсе не было рѣдкостью въ его время. Вѣроятно во второй половинѣ своей жизни, онъ уже не пользовался такимъ авторитетомъ въ церкви, какъ въ первой. Можетъ быть смиренный діаконъ Эдесскій, съ такимъ ужасомъ взиравшій на развитіе раціоналистическаго направленія въ церкви въ его время, упорно отклонялся отъ участія въ общецерковныхъ дѣлахъ, почему о немъ и не упоминаютъ въ это время церковные историки, и всю свою дѣятельность ограничилъ перепискою съ частными лицами, каковъ былъ монахъ Іоаннъ.

Тяжелымъ испытаніемъ (неправильнымъ заключеніемъ въ темницу) и вразумленіемъ свыше рано пробуждено было въ св. Ефремѣ то энтузіастическое чувство ко Христу, а равно то постоянно скорбное и покаянное настроеніе духа, которыя характеризуютъ его въ продолженіи всей его жизни. Среди отшельниковъ низибійскихъ святой Ефремъ нашелъ для себя успокоеніе, окрѣпѣ правственію и вполне созрѣлъ для того, чтобы всецѣло и безраздѣльно отдать себя на служеніе Богу. Умственное и научное образованіе Ефрема имѣло для себя менѣе благоприятныхъ условій и не достигало той высоты, какую представляла его христіански-религіозная и нравственная зрѣлость. На какое-либо методически-правильное школьное обученіе его вообще и въ частности на образованіе Ефрема спеціально для дѣятельности проповѣдника въ его біографическихъ матеріалахъ нѣтъ никакихъ указаній. Правда, нѣкоторыя свойства его проповѣдей — особенная склонность къ остроумнымъ сблизеніямъ и антитезамъ, обиліе не всегда обоснованныхъ на дѣйствительномъ чувствѣ восклицаній, нѣкоторая склонность къ изысканности въ рѣчи — иногда вызываютъ предположеніе, что Ефремъ, подобно Григорію Богослову, Василию Великому и другимъ, современнымъ ему великимъ учителямъ церкви, обучался риторикѣ у какого либо изъ языческихъ раторовъ. Но

при недостаткѣ точныхъ историческихъ свидѣтельствъ, которыя оправдывали бы подобное предположеніе, для него нѣтъ достаточныхъ основаній, и, кажется, природа, которая такъ щедро одарила Ефрема талантами,—даромъ истиннаго ораторства, такъ же какъ и даромъ поэтическимъ,—была главною его учительницею. Что же касается упомянутыхъ особенностей рѣчи Ефрема, то онѣ безъ натяжекъ вѣрнѣе могутъ быть объяснены изъ особенностей восточнаго склада мысли и рѣчи, ему свойственнаго, изъ національнаго сирійскаго темперамента и вообще изъ свойствъ личныхъ духовныхъ силъ Ефрема. Этотъ пылкій „человѣкъ Востока“, у котораго природная могучая сила воображенія еще болѣе развилась подъ вліяніемъ условій жизни созерцательно-аскетической, такъ же мало нуждался во внѣшнемъ вліяніи риторическаго образованія для того, чтобы впадать въ своихъ ораторскихъ разсужденіяхъ въ крайности и односторонности, которыхъ безпристрастная и объективная исторія проповѣди не можетъ одобрить, какъ и для того, чтобы обнаружить самыя высокія достоинства и блестящія качества, которымъ, въ его проповѣдяхъ, нельзя не изумляться. Какъ ораторъ, Ефремъ занимаетъ между современными ему учителями IV-го вѣка не менѣе высокое мѣсто, чѣмъ какое принадлежитъ ему по праву какъ ученому богослову. До какой степени въ характерѣ Востока было говорить такую изысканною и цвѣтистою рѣчью, какою говорить во многихъ своихъ проповѣдяхъ Ефремъ, видно изъ того, что, какъ рассказываетъ самъ онъ, даже обыкновенный разговоръ его, напริมѣръ съ Василиемъ Великимъ, имѣлъ такой видъ: „ты ли Ефремъ, прекрасно преклонившій выю и взявшій на себя иго спасительнаго слова?“ спрашиваетъ Василій. „И Ефремъ, который самъ себя пренятствую идти небесною стезей“, отвѣчалъ Ефремъ и т. д. ¹⁾ Впрочемъ, когда Ефремъ называетъ себя въ „поученіи къ египетскимъ монахамъ“ человѣкомъ „неученымъ и незначительнымъ“, а въ „похвальному слову мученикомъ“ „человѣкомъ мало смысленнымъ, неученымъ и ничего не стоящимъ“ ²⁾—въ этихъ словахъ нельзя не видѣть преувеличенія, вызваннаго его смиреніемъ. Равнымъ обра-

¹⁾ Твор. Ефрема въ русск. пер. т. III, стр. 103.

²⁾ Твор. Ефрема въ русск. пер. т. II, стр. 86, 189, и т. IV, стр. 264, I, 390 и др. „Христ. Чтен.“, № 5—6, 1886 г.

зомъ, когда Созоменъ называетъ его *ἐλλεινικῆς παιδείας ἄμορος* — греческому образованію непричастный, то это указываетъ лишь на отрицательное отношеніе Ефрема къ этому образованію въ своихъ проповѣдяхъ, на то, что въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ онъ не дѣлаетъ всего обычнаго въ его время у учителей церкви употребленія изъ греческаго образованія, а отнюдь не на то, чтобы онъ былъ незнакомъ съ нимъ. Св. Іаковъ, первый его наставникъ, обладалъ самымъ лучшимъ научнымъ образованіемъ, — всѣмъ тѣмъ образованіемъ, какое можно было получить въ то время лишь члену царскаго семейства (Іаковъ былъ племянникъ парѣяпскаго царя и воспитывался при дворѣ своего дяди), что доказывается и его сочиненіями; плоды этого образованія не могли не отразиться благоприятно на его приближенномъ избранникѣ, находившемся при немъ неотлучно съ ранней юности своей до самой кончины св. Іакова (въ 350 г.). По словамъ сирскаго біографа Ефрема, св. Іаковъ бралъ его съ собою на Никейскій соборъ (на этомъ основаніи рожденіе Ефрема относятъ къ самымъ первымъ годамъ IV вѣка), и если это свѣдѣніе признать вѣрнымъ, то нужно допустить, что впечатлѣнія ученыхъ преній избранныхъ и образованнѣйшихъ представителей христіанства на этомъ величественномъ собраніи, должны были возбуждающимъ образомъ подѣйствовать на развитіе въ немъ не только ревности къ защитѣ православія, но и склонности къ основательному богословствованію вообще. Въ самой Низибіи было училище, которое закрылось лишь по смерти Іакова, во время опустошенія Низибіи персами, въ которомъ учительствовалъ Ефремъ, бывъ въ немъ, вѣроятно, сначала ученикомъ. Когда Ефремъ переселялся въ Эдессу, то, по словамъ Григорія Нисскаго, имѣлъ мысль не только *продолжить* тамъ свое самообразование, но и „сообщать плоды своего вѣдѣнія“. Въ Эдессѣ, гдѣ знаменитый Евсевій Эмесскій, уроженецъ этого города, „по обычаю отечественному, по словамъ Созомена, изучалъ не только св. Писаніе, но и науки, преподаваемыя у эллиновъ“, какъ видно изъ этихъ словъ историка, существовало тогдашнее научное образованіе въ полномъ составѣ, и замѣтное въ сочиненіяхъ Ефрема знакомство его не только съ твореніями христіанскихъ учителей,

каковы: Иринеи, Оригенъ, Афанасій, оба Григоріи—Богословъ и Нисскій, по также съ Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ, а также съ элементами естествознанія и физики, составляло плодъ можетъ быть его образованія здѣсь. Затѣмъ, живя въ монастырѣ въ Эдессѣ, Ефремъ имѣлъ своимъ собесѣдникомъ Юліана-Салу, въ лицѣ котораго Златоустъ указывалъ образецъ христіанскаго совершенства,—который въ свое время былъ опорой православія противъ аrianства въ Антиохіи, по всей вѣроятности представляя изъ себя личность въ родѣ великаго Макарія или Антонія; можетъ быть, онъ знакомилъ Ефрема съ научными методами школы антиохійской, особенно съ способами толкованія св. Писанія¹⁾. Здѣсь же Ефремъ препирался съ язычниками и обращалъ ихъ въ христіанство, что невозможно было безъ научнаго образованія, и съ полнымъ успѣхомъ боролся съ ересями, основывавшимися на восточной дуалистической философій, равно какъ съ другими, чисто христіанскаго происхожденія, имѣвшими раціоналистическій характеръ. Самъ Ефремъ основалъ въ Эдессѣ школу, давшую нѣсколькихъ ученѣйшихъ церковныхъ учителей и былъ ея руководителемъ. Сочиненія Ефрема обнаруживаютъ въ немъ не только превосходное, вполне научное, знаніе св. Писанія, равно какъ полное и глубокое знаніе современнаго ему греческаго богословія, но отчасти также классической и современной ему свѣтской литературы. Не даромъ онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ знаменитѣйшихъ богослововъ своего времени—Василія Великаго, который, по словамъ Θεодорита, „восхищался имъ, удивлялся его учености“ и хотѣлъ поставить его въ епископа, и Григорія Нисскаго, который составилъ Ефрему панегирикъ. Наконецъ Ефремъ могъ узнать „эллипскую мудрость“, если не по сирскимъ переводамъ греческихъ авторовъ, которыхъ въ его время, можетъ быть, не было, то изъ собесѣдованій съ учеными людьми своего мѣста и времени и другихъ и съ своими многочисленными учениками и сожителями въ монастырѣ, между которыми не могло не быть и лицъ образованныхъ, знавшихъ языкъ и мудрость эллипскую. Въ виду всего вы-

¹⁾ См. Θεодорита Ц. II. гл. II.

изложеннаго вовсе не было неожиданностію, какъ кажется Созомену, когда Ефремъ, какъ говоритъ этотъ историкъ, „показалъ столь великую ученость..., что постигалъ вышій умозрѣнія философіи, а легкостію и блескомъ слова, также обиліемъ и мудростію мыслей превзошелъ знаменитѣйшихъ греческихъ писателей“. Дѣйствительно, хотя Ефремъ и порицаетъ философію „лжеименную“, „многоглаголющую“ и „суетловную“, но въ словѣ о добродѣтеляхъ и страстяхъ стоитъ вполне на уровнѣ тогдашняго философскаго знанія ¹⁾. Его психологическая теорія, здѣсь изложенная—есть общая теорія тогдашней науки. Самъ Ефремъ говоритъ: „что открыто мнѣ Духомъ Святѣмъ, то должно узнать и всякому. Если я неразумѣлъ и не сохранилъ того, *чему научился*, то пусть другой научась сохранить“ ²⁾. Здѣсь Ефремъ имѣетъ въ виду, конечно, не одно нравственное наученіе.

Любопытные образцы этого знакомства съ современною ему эллинскою мудростію и отношенія къ ней Ефрема представляютъ между прочимъ двѣ его проповѣди: „о томъ, что не должно обольщаться (т. е. увлекаться, принимать безъ критики и разбора) эллинскими мѣтніими“ и „о землетрясеніяхъ“ ³⁾. Во время мора въ Константинополѣ врачъ Домнъ говорилъ: „гибнуть ремесленники, которые работаютъ у огня, а остальное время живутъ въ подземельяхъ и подвалахъ, — кто живетъ на возвышенныхъ мѣстахъ, пользуется чистымъ и тонкимъ воздухомъ, тѣ не подвергаются заразѣ“. „Такъ рассуждалъ онъ потому, что прилежно изучалъ эллинскія науки и заразилъ ими свой умъ,—говоритъ Ефремъ; не озарилъ онъ ума своего божественнымъ ученіемъ, а потому и былъ далекъ отъ истины“. Чрезъ двое или трое сутокъ самъ Домнъ заболѣлъ, хотя жилъ въ прекраснѣйшемъ домѣ, наполненномъ чистымъ воздухомъ: и, хотя, согласно его теоріи, его перевезли въ его загородный домъ, тѣмъ не менѣе онъ и тамъ умеръ. Рассказавъ это происшествіе, Ефремъ не входитъ въ разсмотрѣніе тео-

¹⁾ См. тв. Ефрема по русск. изд. ч. II, 368, ч. V, 116.

²⁾ Твор. Ефр. IV, 38.

³⁾ См. соч. Ефр. по русск. изд. т. III, стр. 328 и 325.

рин Дома съ научно-медицинской точки зрѣнія; но она во всякомъ случаѣ для него не что иное, какъ глумленіе, потому что не утверждена на словѣ Божіемъ. Съ своей стороны проповѣдникъ находитъ достаточнымъ указать на исторію съ Давидомъ, изложенную въ 2 Царствъ XXIV, 1—2, 9—25, и выводитъ то умозаключеніе, что „всякое общественное бѣдствіе—голодъ, язва, мечъ, смерть, — посылается самимъ Богомъ для уцѣломудренія и исправленія, чтобы люди устремили умъ свой къ благочестію, потому что каждое поколѣніе имѣетъ нужду во вразумленіи Господнимъ посѣщеніемъ. Если и среди страховъ нѣмѣ остаются нечувствительными въ дѣлѣ благочестія: то если вовсе не будетъ посѣщенія Господня, не тѣмъ-ли намъ совратятся умы въ безбожіе и погибель“? Слѣдовательно и всякая медицинская теорія можетъ быть сама по себѣ совершенно вѣрнымъ объясненіемъ явленія, но не она спасаетъ отъ смерти и не она сама по себѣ исцѣляетъ. Проповѣдникъ не понимаетъ и не допускаетъ дѣятельности ума, удаленной отъ Бога, новизны ученія, не содержащихся въ словѣ Божіемъ ¹⁾ и не на немъ обоснованныхъ. „Надмившіе умъ свой эллипскимъ упоеніемъ, безразсудно“ говорили, что землетрясенія бываютъ отъ подземныхъ вѣтровъ. Проповѣдникъ не отрицаетъ возможности научнаго объясненія этого явленія, и съ своей стороны предлагаетъ даже свою теорію землетрясенія. Скажите, спрашиваетъ онъ сторонниковъ теоріи подземныхъ вѣтровъ: почему, когда сдѣлается землетрясеніе и одна полоса колеблется, при колебаніи одной и неколебаниі другой колеблющаяся полоса не отдѣляется отъ веколеблющейся, но, какъ идетъ морская волна, и послѣ возненія вода опять возвращается въ прежнее положеніе, такъ и колебанія земли проходятъ въ видѣ волнъ, и послѣ землетрясенія земля принимаетъ прежнее положеніе? Отчего при бывшемъ въ Арменіи землетрясеніи горы, одна отъ другой отдѣленные, столкнулись между собою, такъ что возгорѣлся огонь и поднялся густой дымъ, который видѣнъ былъ на значительное разстояніе? Отчего горы, одна отъ другой отдѣленные, стоятъ въ своемъ по-

¹⁾ См. т. I, стр. 414 и 420.

рядкѣ и на своемъ мѣстѣ? Отчего во время землетрясенія приходятъ въ ужасъ мореплаватели? Ибо оно бываетъ и для нихъ ощутительно, поелику люльки и постели на кораблѣ и всѣ снасти сталкиваются между собою необыкновеннымъ образомъ и колеблются, и волны много разъ ударяють то съ той, то съ другой стороны необыкновеннымъ образомъ? Проповѣдникъ находитъ, что подобные вопросы нужно рѣшать не отъ своего ума, а „отъ устъ Господа“, и не давая никакой цѣны даже своей собственной теоріи землетрясенія — теоріи волнообразнаго движенія земной поверхности, которую противопоставлялъ теоріи подземныхъ вѣтровъ, указываетъ лишь на то, что землетрясеніе отъ Бога, отъ посыланія Господня, ибо псалмопѣвецъ говоритъ: призирая на землю и творя ю трястися (Пс. CIII, 32), потрясъ еси землю, и смутилъ еси ю, и ищѣли сокрушеніе ея, яко подвижеса (Пс. LIX, 4, также Іов. IX, 6—10, XXVI, 7—8). Въ заключеніе проповѣдникъ, останавливаясь на словахъ 1 Кор. III, 18—20, находитъ эллинское объясненіе скудоумнымъ и совѣтуетъ обратиться къ Богу, разуму котораго нѣсть числа. Подобныхъ разсужденій въ сочиненіяхъ Ефрема можно найти немало, — они отнюдь не доказываютъ *незнанія* имъ эллинской мудрости, но лишь обнаруживаютъ извѣстную точку зрѣнія проповѣдника на эллинскую науку. Онъ не отрицаетъ науки вообще, а только ея эллинскую форму, ищетъ для науки иной постановки, новыхъ обоснованій на началахъ новаго ученія религіознаго. Къ эллинской мудрости онъ относится отрицательно потому, что въ это время еще не выработались формулы отношеній къ ней церкви, что сдѣлано тѣми учителями церкви, которые, сохраняли предавность ея ученію, методически прошли весь составъ научно-образовательнаго курса эллинизма подъ руководствомъ наиболѣе блестящихъ его представителей.

Находя въ словѣ Божіемъ источникъ всякой мудрости, проповѣдникъ къ нему особенно обращаетъ вниманіе всякаго изслѣдователя. Но на ряду съ этимъ, онъ постоянно говоритъ о пользѣ и необходимости знанія вообще. На изученіи слова Божія, какъ источника не только богопознанія, но и всякаго вѣдѣнія, онъ настаиваетъ съ особенною энергіею въ словѣ подвижническомъ.

„Природа наша есть земля, нами воздѣлываемая; произволеніе — земледѣлатель, а божественныя Писанія — совѣтники и учителя, научающіе, какіе худыя навѣки искоренять, какія добродѣтели насаждать. Сколько бы ни былъ ревностенъ нашъ земледѣлатель, безъ ученія божественныхъ Писаній онъ и не силенъ, и не свѣдущъ; только они даютъ ему разумѣніе и силу, а вмѣстѣ даютъ отъ собственныхъ вѣтвей своихъ и благія добродѣтели, чтобы привить ихъ къ дереву природы. вѣру къ невѣрію, надежду къ безнадежности, любовь къ ненависти, знаніе къ невѣдѣнію, прилежаніе къ нерадѣнію, Божество къ человѣчеству. Постигается Божество — насколько постигается — лишь обогащенными вѣдѣніемъ ¹⁾. Ефремъ много хлопочетъ о сохраненіи и размноженіи книгъ и настойчиво требуетъ ихъ чтенія и изученія. Однажды, придя къ отшельнику Юліану, онъ увидѣлъ, что книги его не только мокры, но гдѣ встрѣчаются слова: Господь, Христосъ. Богъ, буквы почти изглажены. Оказалось, что Юліанъ орошалъ слезами тѣ мѣста книги, въ которыхъ были начертаны эти святѣйшія имена. „Богъ [приметь твое благое расположеніе, замѣтилъ Ефремъ, но.... слѣдуетъ беречь книги“. „Если приобрѣлъ ты книгу, то храни ее въ исправности, чтобы не встрѣтились въ ней преткновенія читающему или списывающему“, — говоритъ онъ въ наставленіи о чтеніи ²⁾. „Знаніе лучше богатства“. „Ищи себѣ обученія, люби обращаться съ старшими, выслушивай и заучивай рѣчи ихъ. Обученіе — новый свѣтъ и дѣлаетъ очи свѣтлыми“. „Книги пусть будутъ для тебя трапезой... пусть будутъ они для тебя ложе“ ³⁾. Прекрасныя мысли о чтеніи слова Божія высказываетъ проповѣдникъ въ словѣ о терпѣніи (IV, 70). Даже для монаховъ онъ допускаетъ „образованіе въ словесности“ (V, 143). Не въ одномъ св. Писаніи, а и въ мірскихъ книгахъ — вездѣ говорится о добрыхъ дѣлахъ и опредѣляются наказанія за худую нравственность (III, 324). Тѣло оживляется духомъ, а духъ — вѣрою, безъ вѣры онъ трутъ. Полагая въ основаніе всей духовной и вѣшной жизни слово Божіе, про-

¹⁾ Твор. Ефр. I, 79—80. III, 50, 57.

²⁾ Тв. Ефр. II, 289.

³⁾ V, 426—427.

повѣдникъ высоко цѣнить и самодѣтельность мысли. Вѣра отнюдь не отрицаетъ такой дѣятельности, напротивъ именно ее производитъ. „Вѣра рождаетъ добрую мысль, а добрая мысль—рѣка воды живой. Кто приобрѣлъ ее, тотъ наполняется водами ея“. Къ уразумѣнію пониманія Ефремомъ взаимныхъ отношеній вѣры и мысли въ области вѣроученія могутъ служить не совсѣмъ понятныя сами по себѣ его разсужденія „о нынѣшнемъ огласительномъ ученіи“ въ нѣсколькихъ проповѣдяхъ ¹⁾). „Плачу я день и ночь *объ ослабленіи* огласительнаго ученія, какое преподается въ наши дни. Одно только есть правильное огласительное ученіе, преподаваемое въ дни отцевъ нашихъ. Они какъ свѣтила осіяли всю землю, живя среди еретиковъ и людей печестивыхъ, какъ многоцѣнные камни и дорогія жемчужины. По причинѣ ихъ высокаго и чистаго житія сами враги сдѣлались ихъ подражателями. Наме же ученіе, оставивъ прямые пути, идетъ по стремнинамъ и мѣстамъ пегладкимъ... Приходящій слушать огласительное ученіе прежде оглашенія уже учить, не обучавшись даетъ законы, не понявши складовъ, философствуетъ. Если старъ, съ высокоуміемъ приказываетъ, если молодъ, противорѣчитъ. Поэтому кто не восплачетъ о нашемъ огласительномъ ученіи? Кто не будетъ плакать о нашемъ огласительномъ ученіи? Надобно посмотрѣть и подивиться, какіе замыслы у монаховъ, особенно новоначальныхъ“. Здѣсь св. Ефремъ не отрицаетъ огласительнаго ученія въ его должномъ видѣ и у мѣста, т. е. разсужденій о вѣрѣ и того наукообразнаго ея толкованія, какое развивается въ IV в., но согласно съ Григоріемъ Богословомъ и Григоріемъ Нисскимъ порицаетъ тѣ формы, какія оно принимало благодаря неумѣстной пытливости людей неспособныхъ къ богословствованію, и настаиваетъ на исправленіи жизни, какъ наилучшемъ средствѣ къ приобрѣтенію богословствованія. Научаетъ христіанству невѣдущихъ его, по жи́знію Ефрема, жизнь христіанская больше, чѣмъ какое бы то ни было „оглашеніе“.—Точка отправления Ефрема при всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ

¹⁾ Напр. въ „словѣ подвижническомъ“, по русс. изд. тв. Ефр. т. I, стр. 67, въ словѣ „о тѣхъ, которые предаются страстямъ“ I, 194, въ „словѣ противъ изслѣдователей естества Божія“ т. V, стр. 103.

видна изъ слѣдующаго его замѣчанія. „Кто можетъ доказать, спрашиваетъ онъ, что христіанамъ прилично играть на гусяхъ, плясать, скакать на улицахъ, свирять, шумѣть, гадать, дѣлать хранища и носить ихъ, вопрошать бѣсовъ, упиваться? Какой пророкъ, какое евангеліе, какая апостольская книга подтверждать сіе? Если христіанамъ прилично сіе, то все суета и заблужденіе—законъ, пророки, евангеліе и апостолы. Если же они богоглаголивы, какъ и дѣйствительно, то дѣлать что либо изъ вышесказаннаго христіанамъ неприлично“ (III, 333—334).

П.

Характеръ и направленіе церковноучительной дѣятельности Ефрема опредѣляется, впрочемъ, не столько тѣми элементами общаго научнаго образованія, которые не были ему чужды и болѣе или менѣе были имъ усвоены, сколько съ одной стороны складомъ его духовныхъ силъ, а съ другой—степенью образованія и потребностями той церкви, для которой онъ ближайшимъ образомъ подвизался въ учительномъ словѣ. По складу своихъ духовныхъ силъ онъ былъ не столько мыслитель, изслѣдователь истины, сколько ораторъ и поэтъ, не столько человѣкъ рефлексій, сколько глубокаго христіанскаго чувства и вѣры: что совершенно вѣрно выражено въ усвоенномъ ему еще при жизни названіи „сирскаго пророка“. Это дѣйствительно былъ пророкъ въ смыслѣ первобытнаго христіанства, человѣкъ сподобившійся божественныхъ видѣній и откровеній, энтузіастически воодушевленный чувствомъ величія нравственныхъ благъ ученія Спасителя міра, пророчески обличавшій оскудѣніе вѣры и заблужденія современной религіозной мысли, вѣщавшій человечеству угрозы за его порочность, оплакивавшій эту порочность и предсказывавшій то будущее людей, которое неизбежно должно было послѣдовать, какъ плодъ неправильной церковно-религіозной и нравственной жизни. Вотъ краткій образецъ его рѣчей пророческихъ: „Блаженны—городъ, въ которомъ царствуютъ благочестивые, и корабль, которымъ правятъ опытные, и монастырь, которымъ управляютъ воздержные. Но горе тому городу, въ которомъ царствуютъ печестивые, и тому кораблю, ко-

торымъ правятъ неопытные, и тому монастырю, которымъ управляютъ сластолюбивые. Городъ, за нечестіе державствующихъ, наполнится варварами; корабль, по неопытности кормчихъ, сокрушится; и монастырь, отъ недѣлтельности управляющихъ имъ, запустѣетъ“¹⁾. По обстоятельствамъ времени и по уровню умственнаго развитія церкви сирской его времени потребно было элементарное ознакомленіе съ учепіемъ христіанскимъ и увѣщаніе къ вѣрности ему болѣе, чѣмъ его спекулятивное и діалектическое истолкованіе. Изъ этихъ условій возникло и развилось въ Ефремѣ то охранительное направленіе мысли, та его ревность о достаточности и неприкосновенности церковнаго ученія въ его символической формѣ и на катехетической степени его развитія, какими характеризуются сочиненія Ефрема. Изъ соприкосновенія и знакомства съ мѣстною и современною ему наукою, онъ вынесъ отрицательное отношеніе и антипатію къ ней, потому что эта наука являлась предъ нимъ въ видѣ еретически-раціоналистическаго заблужденія, возникшаго при томъ не изъ внутренней какой либо потребности осмысленія догматовъ и сближенія ихъ съ міросозерцаніемъ и методомъ діалектически-философскимъ, а какъ простое подражаніе умственному движенію другихъ болѣе интеллектуальныхъ центровъ Востока, и распространявшагося въ обществѣ подобно заразѣ, по недостатку осторожности и преданности вѣрѣ церкви. Поэтому въ своихъ многочисленныхъ противоеретическихъ сочиненіяхъ онъ болѣею частію не входитъ въ ученое обсужденіе научной состоятельности еретическихъ доктринъ и довольствуется съ одной стороны указаніемъ несогласія ихъ съ установленною вѣрою церкви и порицаніемъ ихъ, съ другой—мѣрою въ высшей степени цѣлесообразной—противоеретическимъ элементарнымъ изложеніемъ православнаго ученія въ формѣ народно-упрощенныхъ стихотвореній, полусонныхъ памотивы народныхъ пѣсньей. Отсюда понятно, почему многочисленные противо-еретическія сочиненія Ефрема не имѣли большой цѣны въ современной ему литературѣ, при сопоставленіи съ сочиненіями Аѳанасія, Василія и другихъ. Но въ захватѣ раціонально-діалектическаго разсуж-

¹⁾ См. тв. Ефр. по русск. изд. ч. I, 370, также II, 174.

денія о догматахъ, какое другіе великіе борцы противъ ересей противопоставляли остроумной и утопченной діалектикѣ учениковъ антиохійской школы, Ефремъ обращаетъ вниманіе чадъ церкви сирской къ первоисточнику христіанства, къ объективному изученію слова Божія, которое можетъ дать болѣе твердую и здоровую пищу религіозному смыслу и настроенію людей, вводя ихъ въ самое святылище христіанскаго религіознаго творчества. Здѣсь Ефремъ является учителемъ по истинѣ великимъ и его толкованія на св. Писаніе цѣплятся гораздо выше, чѣмъ его творенія противоеретическія. Въ своихъ объясненіяхъ на св. Писаніе Ефремъ на ряду съ буквальнымъ его смысломъ допускаетъ смыслъ духовный, который имѣетъ у него три вида: пророческій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ содержатся предсказанія объ Иисусѣ Христѣ и обстоятельствахъ служенія Его роду человѣческому, типическій (названный такъ самимъ Ефремомъ), когда явленія и вещи Ветхаго Завѣта прообразуютъ вообще будущее, этотъ смыслъ часто совпадаетъ съ первымъ, такъ какъ весь вообще Ветхій Завѣтъ есть *τύπος*—образъ Нового (согласно словамъ апостола—вся же сія образи прилучахуся о нѣмъ), и смыслъ трологическій (соответствующій моральному смыслу въ методѣ объясненія св. Писанія Оригена), по которому всѣ физическія, историческія и быденныя явленія и предметы обсуждаются, какъ образы и покровы религіозныхъ и моральныхъ идей. У Оригена этотъ способъ толкованія назначался для второго класса вѣрующихъ—*ψυχικοί*, которые уже отрѣшились отъ буквы Писанія, но еще не достигли мудрости совершенныхъ. У Ефрема, который не такъ рѣшительно, какъ Оригенъ, высказывается по этому предмету, онъ назначается для вѣрующихъ вообще, тогда какъ смыслъ типическій и пророчесвенный составляетъ высшую ступень богословскаго вѣдѣнія. Но при такомъ видимомъ сходствѣ въ методѣ толкованія слова Божія съ Оригеномъ, великое преимущество Ефрема предъ послѣднимъ состоитъ въ томъ, что всѣ эти объясненія у него отнюдь не отрицаютъ буквальнаго смысла, а напротивъ лишь слѣдуютъ за нимъ. Природу или сущность слова Божія ветхозавѣтнаго, по Ефрему, составляетъ всетаки прямой буквальный смыслъ, а всякій смыслъ духовный есть дѣло личнаго пониманія

истолкователя, возникающее изъ его духовной зрѣлости и благочестиваго стремленія назидать въ благочестіи и истинѣ христіанской, которая, будучи открыта въ Повоухъ Заѣтъ, существуетъ сама по себѣ и не зависитъ отъ Вѣтхаго Заѣта. Въ истолкованіи буквальнаго смысла св. Писанія—главное значеніе и заслуга Ефрема, какъ экзегета. Еще до Златоуста и, повидному, въ вліяніи Діодора Тарсійскаго и другихъ антиохійцевъ, онъ толкуетъ св. Писаніе, по выраженію Григорія Нисскаго, прежде всего *ἀκριβὸς πρὸς λέξιν*, буквально, „хотя и не оставляетъ безъ вниманія глубинъ созерцанія“. Подобно Василию В. (въ шестодневѣ) онъ возстаѣтъ противъ иносказательнаго толкованія Оригена въ шести дней творенія, и вообще—въ своихъ герминеветическихъ правилахъ близко подходитъ къ Василию В. и Златоусту. Но у него есть и преимущество предъ ними, сообщаемое ему знаніемъ еврейскаго языка и, особенно, этнографіи Палестины и смежныхъ съ нею странъ, изъ каковаго знанія онъ дѣлаетъ самое обширное примѣненіе въ своихъ объясненіяхъ на книги Вѣтхаго Заѣта, въ чемъ ему лишь отчасти равенъ іудей по національности Епифаній Кипрскій. Онъ одинаково осуждаетъ какъ неразумную привязанность къ буквѣ Писанія, такъ и излишнюю наклонность къ аллегоріи. Онъ вездѣ ищетъ указаній на Христа и его церковь, но таинственный смыслъ у него вездѣ лишь слѣдуетъ за буквальнымъ и никогда не простирается до уничтоженія послѣдняго. Онъ ясно различаетъ пророчества о Христѣ общеизвѣстныя, которыя ни къ кому кромѣ Іисуса Христа относиться не могутъ, отъ такихъ, которыя исторически относятся къ извѣстнымъ лицамъ и событіямъ, а пророчесвенно къ Іисусу Христу.

Церковно-учительная дѣятельность Ефрема сколько необычайно-плодотворна и обильна, столько же разносторонняя. По словамъ Григорія Нисскаго, Ефремъ „писалъ толкованіе на все древнее и новое свящ. Писаніе, отъ сотворенія міра до послѣдней благодатной книги“. До насъ сохранилось объясненіе на псалтирь, кн. Іисуса Навина, Судей, Царствъ, Паралипоменонъ, Іова, четырехъ большихъ пророковъ и изъ малыхъ—Осін, Іонія, Амоса, Авдія, Михея, Захаріи и Малахіи, посланій апостола Павла и на согласіе

Евангелистовъ. Далѣе богословско-полемиическая его дѣятельность содержала въ себѣ опроверженіе всѣхъ ересей, какія появлялись въ сирской церкви: эзтіанъ и евиоміанъ, антропоморфистовъ, вардесанитовъ, маркіонитовъ и мессалианъ, восточнаго фатализма и ученія астрологовъ, наконецъ новатіанъ и аполинаристовъ. Затѣмъ съ того времени, какъ онъ переселился въ Эдессу, онъ неустанно и непрерывно занимается проповѣдью, проповѣдуетъ между монахами въ монастырѣ, проповѣдуетъ къ городскому населенію въ храмѣ, для чего въ видѣ исключенія дано было ему разрѣшеніе не смотря на то, что онъ имѣлъ санъ лишь дьякона, проповѣдуетъ даже въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ во время своего въ нихъ пребыванія, напр. среди египетскихъ отшельниковъ, гдѣ онъ пробылъ восемь лѣтъ (сохранилось 50 поученій къ египетскимъ монахамъ). Число всѣхъ его поученій Фотій возводитъ до 1000. Наконецъ слѣдуетъ масса его нѣсповѣній для общественнаго употребленія и молитвъ для употребленія церковно-богослужебнаго, которыя имѣютъ все нѣроучительное и правоучительное и даже полемиическое содержаніе, изложенное въ поэтической стихотворной формѣ. Это своеобразные опыты христіанской дидактической поэзіи, достоинство которыхъ пока не опынено критикой эстетической, но нѣлесообразность которыхъ доказана ихъ дѣйствіемъ на современное общество. Еще Θεодоритъ зналъ о 30000 стиховъ Ефрема.

Впрочемъ до настоящаго времени библіографія сочиненій Ефрема вообще и въ частности его проповѣдей такъ же мало разработана, какъ и его біографія. Три ученыхъ *Ассемани*, природные сирійцы, съ любовью потрудились надъ собираніемъ, изданіемъ и изслѣдованіемъ сочиненій своего геніальнаго соплеменника. Въ ихъ изданіи: *S. Ephremi Syri opera, quae exstant graece, syrice, latine, in VI tomos distributa, Romae 1732—1746*, — насчитывается до 300 произведеній Ефрема проповѣдническаго характера съ особыми заглавіями (любопытно, что два слова Ассемани заимствовали изъ древняго славянскаго перевода). Но тѣ же издатели въ другомъ своемъ изданіи (*bibliotheca orientalis*) поименовываютъ нѣсколько сочиненій и проповѣдей Ефрема, въ вышеназванное ихъ изданіе не вошедшихъ. Затѣмъ уже послѣ нихъ найдены какъ нѣкоторыя истолковательныя

сочиненія Ефрема (изъ нихъ изданы на армянскомъ языкѣ—толкованіе на Паралипоменъ и на согласіе Евангелій, на армянскомъ и латинскомъ—толкованіе на посланія ап. Павла; не изданы извѣстныя лишь библіографическія толкованія на Іону, Наума, Аввакума, Софонію и Аггея), такъ и нѣкоторыя проповѣди. Изъ послѣднихъ не изданы пять словъ, хранящихся въ греческомъ спискѣ сочиненій Ефрема въ венеціанской библіотекѣ св. Марка, три слова въ библіотекѣ туринской, восемнадцать бесѣдъ, извѣстныхъ по рукописному армянскому переводу. Наконецъ не найдено нѣсколько сочиненій, о которыхъ упоминали Григорій Нисскій и Иеронимъ. Въ новомъ русскомъ переводѣ московской академіи (1848—1853) содержится около 265 произведеній гоимлетическаго характера съ особыми заглавіями. Но это изданіе не содержитъ въ себѣ полнаго перевода всѣхъ даже издавшихся проповѣдей Ефрема (напр. нѣтъ словъ на Рождество Христово, издавшихся у Ассемани). Сохранившіяся и издавныя проповѣди Ефрема въ первоначальныхъ спискахъ носятъ самыя разнообразныя названія: бесѣдъ, поученій, наставленій, совѣтовъ и т. д., словъ (*λόγος*, *sermo*) иногда съ эпитетами: слово умирительное, слово подвижническое, слово душеполезное, слово огласительное, слово похвальное; при большей части ихъ имѣется обозначеніе ихъ содержанія. Но какъ названія — „слово“, „поученіе“, „бесѣда“, „наставленіе“, „совѣты“ и т. п. — не имѣютъ здѣсь терминологическаго значенія, такъ и эти заглавія или обозначенія предмета рѣчи вовсе не исчерпываютъ содержанія того или другого слова. Ихъ гоимлетическій характеръ иногда опредѣляется вѣшними признаками, именно обращеніями къ слушателямъ, молитвой, славословіемъ и словомъ „аминь“ въ концѣ проповѣди; но весьма рѣдко проповѣди Ефрема не имѣютъ никакихъ вѣшнихъ признаковъ произношенія, и гоимлетическій характеръ ихъ опредѣляется внутренними свойствами ихъ содержанія и изложенія.

Съ нашей точки зрѣнія, примѣнительно къ исторіи генетическаго развитія типовъ проповѣди, проповѣдническія произведенія Ефрема могутъ быть раздѣлены на пять классовъ. Изъ первой, самой малочисленной группѣ относятся нѣсколько гоимлій экзегетическихъ, содержащихъ послѣдовательное, правоучительное по

предмету и художественное по изложению, толкованіе избраннаго отрывка св. Писанія въ порядкѣ содержанія текста. Таково, напр., слово о прекрасномъ Іосифѣ, объясняющее вполне художественно и ораторски, но по-Оригеновски, текстъ повѣствованія книги Бытія объ Іосифѣ—сходно съ тѣмъ, какъ Григорій Богословъ въ словѣ о Маккавейяхъ объясняетъ текстъ книги Маккавейской (II, 116—146); таково, далѣе, краткое объясненіе Ефремомъ библейскихъ сказаній—о Лотѣ (IV, 230), объ Авраамѣ и Исаакѣ (III, 135). Вторую, нѣсколько большую группу его проповѣдей составляютъ проповѣди типа первобытной до-Оригеновской гомили, т. е. пастоящей бесѣды — діалога съ обозначенными вопросами поучаемыхъ и отвѣтами учителя, въ которой какъ предметъ рѣчи, такъ и порядокъ мыслей, опредѣляется порядкомъ собесѣдованія. Это — отголосокъ древнѣйшей, первобытной христіанской проповѣди — діалога, который въ IV-мъ вѣкѣ могъ сохраниться лишь въ монастыряхъ, въ собесѣдованіяхъ св. аввъ. Сюда относятся: слово о томъ, что должно избѣгать вредныхъ свиданій (IV, 9), вопросы и отвѣты (IV, 75—87), слово о воскресеніи, покаяніи и любви (III, 14—23), слово о воскресеніи мертвыхъ (IV, 95—107), отвѣтъ на нѣкоторые вопросы (III, 210), отвѣтъ брату о священникѣ Илиі (III, 266), о томъ, что не должно блуждать глазами (II, 286) и др. Въ остальныхъ проповѣдяхъ проповѣдникъ раскрываетъ и объясняетъ тотъ или другой предметъ, имъ самимъ свободно избранный, обильно, можетъ быть, въ большей мѣрѣ, чѣмъ кто-либо другой изъ проповѣдниковъ IV-го вѣка, пользуясь изреченіями св. Писанія, какъ основаніями своихъ мыслей, и библейскими выраженіями замѣняя собственную рѣчь. Однѣ изъ нихъ суть слова (λόγοι) въ точномъ терминологическомъ значеніи этого слова, характеризующіяся всестороннимъ, по своеобразному методу проповѣдника, объясненіемъ предмета и истинно ораторскимъ, хотя и не риторическимъ, изложеніемъ. Сюда относятся лучшія и самыя замѣчательныя во всѣхъ отношеніяхъ проповѣди Ефрема: на Преображеніе Господне (II, 147), семь словъ о второмъ пришествіи Господа (I, 292; II, 380; IV, 117, 120 и 130; III, 5, 24), два слова о воскресеніи мертвыхъ (IV, 95, 107), о покаяніи

(IV, 141), о памятованіи смерти (IV, 87), о страданіи Спасителя (IV, 239), о честномъ крестѣ Христовомъ (III, 37), о терпѣніи (III, 150), о страхѣ Божиємъ и судѣ (IV, 205), о судѣ (IV, 124), о судѣ и объ утѣшеніи (II, 160), о вѣрѣ (III, 165), слова утѣшительныя (I, 49, 277, 282), слово увѣщательное (I, 289), слово подвижническое (I, 68), наставленіе братіямъ (IV, 281), о постѣ (IV, 309), о смиреніи и гордости (IV, 317), о сердечномъ сокрушеніи (I, 269), противъ гордости (I, 40), слово о добродѣтеляхъ и порокахъ (I, 5), противъ домогающихся почестей (I, 195), о вооруженіи монаха (IV, 368), къ отрекающимся отъ міра (V, 18), въ великій пятокъ (V, 165). Сюда относятся, далѣе, слова похвалы: апостоламъ (V, 153), о блаженномъ Аврааміи и его племянницѣ Маріи (II, 86), два слова о скончавшихся отцахъ (I, 300, 306), похвальное слово мученикамъ (IV, 246), о подвижникѣ Юліанѣ (IV, 253), о почившихъ во Христѣ (IV, 262), похвальное слово Василию Великому (III, 99),—мученикамъ, во всемъ мірѣ пострадавшимъ (III, 126), сорока мученикамъ (III, 173), сказаніе о юродивой (III, 218). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ чрезвычайно велики по объему: таково слово о покаяніи (IV, 157—225) и слово на слова: „въ мірѣ скорби будете“ (IV, 325—368). Четвертую группу составляютъ краткія слова, называемыя часто—и совершенно вѣрно—поученіями, не блистающія, большею частію, красотами изложенія, но стройныя по формѣ, до нѣкоторой степени тематизованныя и выдерживающія единство предмета. Сюда относятся: 50 поученій къ египетскимъ монахамъ (II, 189—368), 76 поученій о покаяніи (V, 172—413), о душевномъ страхѣ (I, 319), о добродѣтели четыре поученія (I, 345) и о добродѣтели 10 поученій (I, 369), 12 поученій на слова: „внимай себѣ“ (I, 391), о брани съ дьяволомъ (I, 315), о томъ, что не слѣдуетъ сѣяться и разсѣваться (I, 430), о пяткѣ (III, 281), о молитвѣ (III, 284), о любви къ бѣднымъ (III, 287), о постѣ (III, 290), и многія другія, содержащіяся въ IV томѣ русскаго изданія. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма кратки, какъ напр.— о необходимости бороться съ дьяволомъ (V, 80), о томъ, что монахъ не долженъ заботиться объ одеждахъ (V, 81), что не должно

бояться укоризнъ за добрыя дѣла (V, 82), о свободѣ (V, 130), о смиренномудріи (V, 131), о преуспѣяніи въ добродѣтели (V, 134), о суетѣ настоящей жизни (III, 294), о блаженныхъ обителяхъ (III, 298). Наконецъ, пятую группу его поученій составляютъ правоучительныя *изреченія* или *гномы* (apophlegmata), называемыя у него „*главами*“ (*κεφαλαί*), въ которыхъ нравственныя правила и догматическія мысли изрекаются безъ доказательствъ, въ видѣ сентенцій или краткихъ наставленій; они собраны въ извѣстныя группы, въ которыхъ стоятъ или каждое отдѣльно, въ видѣ главъ, съ особою цифрою для каждой, или слѣдуютъ одно за другимъ нераздѣльно, составляя одно слово, съ однимъ общимъ заглавіемъ. Это, болѣею частію, наставленія, сказанныя и записанныя спеціально для монаховъ, хотя содержаніе ихъ и не всегда спеціально монашеское, а перѣдко и общехристіанское. Таковы: подражаніе притчамъ (I, 116), большая часть совѣтовъ повоначальнымъ инокамъ (I, 452), 54 главы блаженствъ (II, 7), 20 главъ блаженствъ (II, 18—20), нѣкоторыя изъ ста главъ о смиренномудріи (II, 28), 90 главъ о смиренномудріи (II, 171 и слѣд.).

Всѣ цѣнители церковно-учительной дѣятельности Ефрема сходятся въ признаніи ея высокаго достоинства, считая его однимъ изъ великихъ учителей церкви. Уже въ его время имя его, какъ говоритъ Григорій Нисскій, „было на устахъ всѣхъ христіанъ, онъ былъ извѣстенъ почти всей подсолнечной, жизнь и ученіе его сіяли во весь міръ“. Созоменъ, удивляющійся его учености и величію его природныхъ дарованій, рассказываетъ, что еще при жизни Ефрема его сочиненія переводились на греческій языкъ; а Іеронимъ, по прочтеніи латинскаго перевода одного его сочиненія о Св. Духѣ, появившій величіе его возвышеннаго ума, сообщаетъ, что Ефремъ приобрѣлъ такую славу, что въ нѣкоторыхъ церквахъ его творенія читались въ церковныхъ собраніяхъ послѣ св. Писанія, чего церковь не знала со времени Эрма и Климента Римскаго. Главная особенность его, какъ проповѣдника, и выстѣ высшее достоинство, состоитъ въ томъ, что онъ—проповѣдникъ-ораторъ, но ораторъ въ спеціально-христіанскомъ смыслѣ слова, а отнюдь не въ риторическомъ; его слово точвѣйшимъ и наиболѣе полнымъ обра-

земъ осуществляетъ идеальное требованіе христіанской проповѣди, указанное апостолами, и состоитъ не въ діалектикѣ и риторикѣ, а въ явленіи духа и силы, силы религіознаго вѣрованія и убѣжденія. Но затѣмъ, онъ былъ не просто *ораторъ*, а *ораторъ-поэтъ*. Два наилучшихъ таланта, какіе имѣеть въ своемъ распоряженіи, дала ему природа, которые, такъ сказать, боролись въ немъ за первенство: *ораторскій* талантъ и талантъ *поэтический*; ни одинъ не взялъ перевѣса надъ другимъ, но оба совместились въ немъ довольно гармонически и совокупно воздѣйствовали на его словесную производительность. Отсюда объясняются для насъ какъ хорошія, такъ и слабыя стороны произведеній Ефрема. Его высокій врожденный ораторскій талантъ сообщалъ его проповѣдническому разсужденію возвышенный полетъ мысли, жизненность, увлекающую силу рѣчи, а его поэтическая фантазія предлагала живые образы и картины для его идей, художественныя формы рѣчи и безконечное разнообразіе срѣпленій, противоположеній и всякаго рода фигуральныхъ оборотовъ рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическая фантазія увлекала его иногда къ излишней декламациі, къ неумѣренному словообилію, скученію образовъ, которые у него нерѣдко громоздятся, такъ сказать, одинъ на другой безъ всякой надобности, обрежая рѣчь, лишая ее плавности и легкости, къ изысканному остроумію, чрезмѣрному аллегоризированію, вообще къ напыщенности: такъ что вмѣсто оратора въ немъ слишкомъ часто слышится поэтъ и проповѣдничество обращается въ гимнологію. Читая не въ подлинникъ его сочиненія, не легко сказать съ перваго раза, что изъ нихъ относится къ его ораторской дѣятельности, что — къ его гимнологіи, и еслибы его пѣснопѣнія не имѣли въ подлинникѣ поэтическаго метра, онъ также могли бы быть названы ораторскими рѣчами, какъ и проповѣди.

Въ виду сказаннаго, совершенно напрасно было бы искать въ проповѣдяхъ Ефрема искусственной структуры рѣчи и діалектики. „Хочу послужить свѣдѣніями, какими благодать просвѣтила умъ мой. Но намѣренъ говорить не ухищренными словами. Ухищренно сказанное не для всѣхъ попятно, особенно для незнакомыхъ съ мірскою философіею. Надобно предлагать слово ясное, духовное

слово может убѣдить послушныхъ вѣрѣ даже безъ пособія грамматики и риторики“. Такъ опредѣляетъ характеръ своей рѣчи самъ Ефремъ ¹⁾. Поэтому въ проповѣдяхъ Ефрема все опредѣляется главнымъ образомъ естественнымъ движеніемъ его благоговѣйной мысли и благочестиваго чувства. При этомъ онъ не столько поучаетъ своихъ слушателей, сколько трогаетъ ихъ, воодушевляетъ религіознымъ чувствомъ, наполняетъ сердца то страхомъ и ужасомъ, то раскаяніемъ и сокрушеніемъ, то отрадой и надеждой, то умиленіемъ и благодарностію къ Богу, порывами къ добру и всякаго рода христіанской дѣятельности. Отсюда онъ не столько доказываетъ, сколько высказываетъ свои идеи, а главнымъ образомъ посвящаетъ свою рѣчь мольбамъ, убѣжденіямъ, изліяніямъ своихъ чувствъ, отчего его разсужденія полны вдохновенія и часто возвышаются до настоящаго дифирамба, хотя иногда являются не чуждыми искусственнаго дѣланнаго ораторскаго наосеа. Какъ на чрезвычайно рѣдкій въ его проповѣдяхъ примѣръ правильнаго логическаго построенія, основаннаго на предварительно обозначенномъ дѣленіи, можно указать развѣ на слово о добродѣтеляхъ и страстяхъ ²⁾. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, кажется, слѣдуетъ различать проповѣди болѣе раннія отъ позднѣйшихъ; послѣднія содержатъ въ себѣ менѣе горячности и силы чувствъ, а потому — меньше ораторства, и отличаются большею правильностію структуры, равно какъ большею ясностію и простотою рѣчи.

III.

По основнымъ чертамъ своего міровоззрѣнія, равно какъ по содержанію и формѣ своихъ проповѣдей, Ефремъ живо напоминаетъ Антонія, Марка и Макарія египетскихъ ³⁾, жизнь и творенія которыхъ были имъ хорошо изучены ⁴⁾, съ которыми его сближалъ одинаковый ходъ духовнаго образованія — чрезъ изученіе св. Писанія, чрезъ чтеніе, чрезъ собесѣдованіе съ пустынниками. Затѣмъ

¹⁾ Тв. Ефр. по русск. изд. II, 189.

²⁾ По русск. изд. т. V, стр. 116.

³⁾ См. напримѣръ по русск. изд. т. I, стр. 122, т. V, 119 и др.

⁴⁾ См. по русск. изд. т. V, 83, II 376.

слѣдуетъ также припомнить, что ученикъ Антонія Евгеній первый насадилъ отшельничество въ Низибіи, которое здѣсь и имѣло весь тотъ видъ и характеръ, какой оно имѣло въ монастыряхъ Египта. Между низибійскими отшельниками Ефремъ получилъ свое первое образованіе. Затѣмъ самъ онъ больше восьми лѣтъ провелъ между египетскими отшельниками, наипаче всего того, что служатъ пятьдесятъ прекрасныхъ поученій къ египетскимъ монахамъ; неудивительно, если тамъ онъ вполне проникся тѣмъ міровоззрѣніемъ, съ началами котораго освоился между отшельниками низибійскими, и, возвратившись въ Эдессу, живо отразилъ въ своемъ учительствѣ и общія начала міровоззрѣнія и частности содержанія ученія аскетическаго, и даже самый способъ и методъ учительства великихъ египетскихъ аввъ. Отсюда у Ефрема на первомъ планѣ то же, что и у Антонія и Макарія—проповѣдь жизни единственно для Бога и въ Богѣ, проповѣдь аскетическаго идеала и для жизни въ самомъ гражданскомъ обществѣ. И въ частныхъ предметахъ ученія нельзя не видѣть сходства ¹⁾ Ефрема съ аввами египетскими. Такъ, процессъ смерти, разлученіе души съ тѣломъ, предсмертное и посмертное состояніе человека, столь наглядно-пластически изображенное однимъ изъ Макаріевъ, нерѣдко трактуется и у Ефрема. Но есть и различіе между нимъ и египетскими аввами. Въ то время, какъ Макарій Великій живописуетъ и разъясняетъ теоретическую сторону жизни въ Богѣ и въ Бога, идеальныя и патологическія душевныя состоянія, Ефремъ, стоящій всецѣло цѣлою половиною своей дѣятельности лицомъ къ лицу съ жизнью вѣншною, мірскою, является въ значительной степени и проповѣдникомъ-практикомъ, проповѣдникомъ-обличителемъ мірскаго и вообще человѣческаго—плотскаго печестія, проповѣдникомъ покаянія и плача о грѣхахъ суеты житейской. Такимъ образомъ, Ефремъ универсалнѣе и всестороннѣе въ предметахъ ученія, не такъ спеціально-теоретиченъ, какъ Макарій. Затѣмъ Макарій, обнимая меньшій кругъ предметовъ, глубже и сильнѣе мыслитъ, полнѣе постигаетъ внутреннюю, духовную жизнь человека, ея законы и явленія; но Ефремъ неизмѣримо сильнѣе ихъ изображаетъ, будучи поистинѣ ораторомъ.

¹⁾ См. по русс. изд. т. III, 316, II, 197, V, 77.

роль и каждому своему сужденію, каждому предмету своего ученія, умѣя дать истинно-ораторское изображеніе и выраженіе. Аскетическая проповѣдь Ефрема чужда, однако, ригоризма. Добродѣтели и подвиги, имъ проповѣдуемые, относятся и къ жизни мірской. Напримѣръ, онъ не только благословляетъ бракъ и семейную жизнь ¹⁾, но говоритъ также объ обязательности для родителей заботъ о выдачѣ дочерей замужъ, объ отдачѣ сыновей въ полкъ ²⁾. „Не трать всего времени жизни на попеченіе о тѣлѣ твоёмъ; но когда тѣло алчетъ и требуетъ пищи, разсуждай, что и душа имѣетъ нужду въ свойственной ей пищѣ“ ³⁾. Аскетическое игнорированіе потребностей и условій жизни мірской—гражданской, проповѣдь міру идеала чисто аскетическаго отнюдь не была у него плодомъ непониманія условій своего положенія, какъ проповѣдника въ обществѣ, а плодомъ необычайно-высокаго религіознаго одушевленія великаго учителя, того необычайнаго подъема его духа на высоту созерцанія, того особеннаго проникновенія духомъ и заповѣдями Евангелія, какими характеризуется первоначальное христіанство, представителемъ котораго въ IV вѣкѣ является великій учитель-профетъ, по его собственному сознанію ⁴⁾, не дерзавшій преградить „волны благодати, струившіяся“ въ его сердцѣ. „Къ Тебѣ, Господи, со страхомъ и слезами взываетъ церковь о чадахъ своихъ, ибо угнетены они всякими бѣдами. Вотъ глады, моровыя повѣтрія, тяжкіе бичи, утѣшенія отъ гонителей мучаютъ ихъ. Вотъ церковь твоя проситъ Тебя, Сыне Божій: пріими служеніе и молитвы церкви и будь милостивъ къ чадамъ ея. Спаси ее, Господи, отъ всякаго бѣдствія, ибо она чтитъ крестъ Твой ⁵⁾. Его внутреннему сознанію всегда предносились, какъ живые, образы Господа Иисуса, Его апостоловъ и всѣхъ святыхъ, пророковъ и праведниковъ; мысль его всецѣло занята была ихъ ученіемъ и заповѣдями, памятованіемъ смерти, суда, вѣчнаго блаженства для пра-

¹⁾ См. по русс. изд. I, 196.

²⁾ См. т. II, 369.

³⁾ Т. V, стр. 92.

⁴⁾ См. т. V, 105.

⁵⁾ V, 329—340.

водниковъ и вѣчныхъ мученій для грѣшниковъ; при такомъ возвышенномъ настроеніи своей личной мысли и чувства, онъ въ жизни видѣлъ одни лишь грѣхи, полное забвеніе людьми того, что такъ ясно и глубоко сознавалъ и чувствовалъ онъ самъ. Это несоотвѣтствіе жизненной дѣйствительности въ христіанскомъ обществѣ идеалу христіанства поражало его до глубины души, вызывало глубокую скорбь, сокрушеніе сердца и слезы, и изъ устъ его лились то грозно-пророческія обличенія, то слезныя моленія и увѣщанія къ покаянію, къ исправленію жизни и обращенію ко Христу. Онъ мало живописуетъ и анализируетъ явленія жизни внѣшней, мало даетъ частныхъ указаній, какъ эта жизнь въ ея мірскихъ условіяхъ должна быть устроена для того, чтобы, оставаясь жизнью въ обществѣ, гражданскою, быть вполне христіанскою. Отнюдь не усвоивъ себѣ Божественнаго посланничества и пророческаго авторитета, напротивъ смиренный до полнаго самоуничтоженія, Ефремъ въ своей проповѣди весь проникнутъ энтузіазмомъ ко Христу и Его ученію, но истинъ пророческою ревностію о славѣ Божіей и объ исполненіи Его заповѣдей людьми, а потому и вѣщаетъ людямъ лишь увѣщанія, угрозы и обличенія. Но менѣе по истинѣ пророчесвенна его любовь къ людямъ, ревность о ихъ вѣчномъ спасеніи, его слезы о человѣческомъ недостоинствѣ и грѣховности, его призывъ и молебны къ обращенію и исправленію. Такимъ образомъ общая схема его правоучительной проповѣди очень не сложна. Исходнымъ пунктомъ его учительства служить наблюдаемый имъ въ людяхъ уровень религіозно-правственнаго состоянія, изображаемый имъ всегда яркими красками и сильными чертами ¹⁾. Это состояніе представляется ему въ столь безотрадномъ видѣ, что возбуждаетъ въ немъ непрестанныя слезы. Онъ сокрушается о грѣхахъ людей и призываетъ всѣхъ къ покаянію и сокрушенію сердечному. „Непрестанно плакать, говорить св. Григорій Нисскій, для Ефрема было то же, что дышать воздухомъ. Онъ плачетъ не тогда только, когда говоритъ о покаяніи, но и въ похвальныхъ словахъ, гдѣ другіе обыкновенно выражаютъ радость“. Мысль о грѣховности людей, какъ и своей собственной, не оставляла его ни днемъ ни ночью.

¹⁾ См. напр. V, 132—135.

«Когда возлежъ я на ложѣ моемъ, говорить Ефремъ въ одноиъ изъ пѣснопѣній, пришла мнѣ на мысль твоя любовь, Господи, къ людямъ, и я всталъ среди ночи, чтобы благодарить Тебя. Но вспомнилъ о грѣхахъ моихъ и устранился, весь облился слезами, и готовъ былъ упасть духомъ, еслибы не поспѣшили укрѣпить меня полумертваго разбойникъ, грѣшница, мытарь, хаванеянка, кровоточивая, самарянка. Они какъ бы говорили мнѣ: возстань, проси со слезами милосердія у младостиваго Бога и твердо держи въ сердцѣ своемъ, что Онъ немощю твоего естества подвигнется къ милосердію».

Желая расположить другихъ къ покаянію и слезамъ, Ефремъ обыкновенно начинаетъ съ изображенія своего собственнаго недостойнства и грѣховности, согласно своему понятію о смиреніи ¹⁾.

«Будьте сострадательны ко мнѣ, братія... Склонитесь на воззваніе человѣка, который обѣщался благоугождать Богу и солгалъ Творцу своему,— чтобы вашими молитвами избавиться отъ обладающихъ мною грѣховъ. Увы мнѣ, какому подпалъ я осужденію! Подлинно у меня образъ только благочестія, а не сила его».

Затѣмъ уже онъ обращается къ слушателямъ.

«Приидите, братія моя, приидите отцы, приидите рабы Христовы, будемъ сокрушаться сердцемъ и рыдать предъ Нимъ день и ночь. Приведемъ себѣ на память неизглаголанныя блага и будемъ плакать. Будемъ вспоминать объ ономъ страшномъ и ужасномъ судилищѣ и стыдѣ, насъ ожидающемъ, и будемъ оплакивать самихъ себя. Помыслимъ, какъ праведные просвѣтятся ско солнце, а грѣшники будутъ яко опаленія горниа, и сокрушаясь сердцемъ, воспримемъ ревность къ благимъ дѣламъ. Приидите, припадемъ къ Нему въ сокрушеніи и простотѣ сердца. Ибо Онъ благъ и милосердъ и спасаетъ кающихся». Яркими и сильными чертами изображаетъ проповѣдникъ благотворное дѣйствіе слезъ ²⁾.

«Плачь назидаетъ и сохраняетъ, плачь омываетъ душу и содѣлываетъ ее чистою. Плачь рождаетъ цѣломудріе, отбѣкаетъ удовольствія, приводитъ къ совершенству добродѣтель. Плачь ублажается Богомъ». «Велика, братіе, сила слезъ. Сокрушеніе вселяетъ въ насъ Единороднаго Сына Божія, если мы желаемъ сего. Сокрушеніе привлекаетъ къ душѣ Св. Духа. Вѣрьте, братіе, что пѣтъ ничего сладостнѣе на землѣ той радости, которая происходитъ отъ сокрушенія. Святая и частая слезы, проливаемая ради Бога, всегда омывають душу отъ грѣховъ и очищаютъ ее отъ беззаконій. Слезы богоугодныя во всякое время даютъ дерзновеніе, предъ Богомъ. Скверные

¹⁾ См. V, 131.

²⁾ См. напр. по русс. изд. I. 270, 277, 320.

помыслы не могут приблизиться къ той душѣ, которая всегда сокрушается ради Бога. Сокрушеніе сердца есть некрадомое сокровище. Душа, имѣющая сокрушеніе, приходитъ въ несказанный восторгъ и радость. Сокрушеніе сердца есть чистый источникъ, наводящій плодоносныя прозябенія души нашей. Вся церковь есть церковь кающихся, какъ не трудно видѣть имѣющему разумъ; вся она есть церковь погибающихъ, какъ постигаетъ сіе глубокий умъ мудрыхъ¹⁾.

Чувство сокрушенія сердечнаго и слезы проповѣдникъ главнымъ образомъ хочетъ вызвать въ слушателяхъ папожизнаніемъ второго пришествія Христова, страшнаго суда, будущей участи праведниковъ и грѣшниковъ.

Къ этимъ предметамъ всегда болѣе или менѣе склоняется его рѣчь, о чемъ бы онъ ни говорилъ, какъ это можно видѣть уже изъ простаго перечня его проповѣдей, который мы привели выше. Но слѣдуетъ дополнить, что проповѣдуемое Ефремомъ сокрушеніе сердца не есть какое либо мрачное, безотрадное состояніе души. Сердце, исполненное любви къ Богу, вѣры и надежды на Господа, не можетъ всецѣло принадлежать одному такому чувству. Ему предносится мысль о благодати Божіей и милосердіи, и въ его душѣ является чувство успокоенія и отрады. Съ благодарною любовію и благоговѣніемъ онъ обзрѣваетъ величіе благодѣяній Божіихъ и любви Божіей къ человѣку и онъ снова проливаетъ слезы, но уже не слезы сердечнаго сокрушенія, а слезы радости и умиленія. „Будемъ веселы лицемъ, будемъ радоваться о Духѣ Святомъ, о дарахъ Господнихъ; но вмѣстѣ умомъ будемъ плакать, рыдать и молить Бога, чтобы Онъ сохранилъ насъ отъ всякаго зла“. „Всѣхъ, скорбавшихъ о грѣхахъ своихъ, убѣждаю не отчаяваться о себѣ и не радовать тѣмъ врага своего. Съ дерзновеніемъ приступайте къ Богу, плачьте предъ Нимъ и не теряйте надежды о себѣ. Ибо Господь нашъ радуется о кающихся и пріемлетъ наше обращеніе“. Уныніе и нерадѣніе проповѣдникъ воспрещаетъ, какъ грѣхъ тяжкій (V, 150). По этой схемѣ—пробужденіе сознанія грѣховности чрезъ сопоставленіе величія благодѣяній Божіихъ людямъ съ ихъ недостойнствомъ, и затѣмъ чувства покаянія и слезъ, изображеніе

¹⁾ См. т. V, 194.

страшнаго втораго пришествія Христова и суда, блаженствъ рай и мученій ада, чувства отрады и успокоенія, какія свойственно испытывать покаявшемуся и примирившемуся съ Богомъ—по этой схемѣ располагается въ вариантахъ, разнообразныхъ до бесконечности, все правоученіе Ефрема, столь неотразимо сильное для вѣрующаго сердца.

Къ этимъ главнымъ и основнымъ элементамъ его проповѣдническаго міросозерцанія сводятся все его разсужденія объ отдѣльныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, о разнообразныхъ душевныхъ состояніяхъ, о состояніяхъ праведности и порочности. Въ анализѣ этихъ состояній въ проповѣдяхъ къ монахамъ онъ болѣе глубокъ, чѣмъ въ проповѣдяхъ къ мірянамъ, хотя менѣе силенъ, чѣмъ въ подобныхъ проповѣдяхъ Макарій; въ проповѣдяхъ къ мірянамъ онъ ближе стоитъ къ вѣншей жизни и дѣятельности людей, чѣмъ Макарій, больше знаетъ эту жизнь и больше ею занимается, хотя и по отношенію къ ней занимается не столько анализомъ душевныхъ состояній, сколько указаніемъ и исчисленіемъ ихъ ¹⁾, предъявляя тотъ же монашескій идеалъ, какой изображаетъ въ проповѣдяхъ къ монахамъ. Совершенное отреченіе отъ міра и яже въ мірѣ, отреченіе отъ собственной воли, уединенная молитва, плачь и воздыханіе, уста открытыя только для славословія и гимновъ, вообще жизнь, только по тѣлу связанная съ землею—таковъ идеалъ Ефрема для всѣхъ людей, въ томъ числѣ и мірянъ, живущихъ въ гражданскомъ обществѣ. Не смотря на то, однако въ его проповѣдяхъ есть много по истинѣ благороднаго и возвышеннаго, прекрасныхъ нравственныхъ вставленій и увѣщаній, имѣющихъ всю цѣну для жизни общественной. Проповѣдникъ далекъ отъ того, чтобы взять на себя полное начертаніе правильной христіанской жизни мірской-общественной. Обыкновенно отдѣльныя явленія жизни служатъ исходнымъ пунктомъ его право-учительныхъ разсужденій, и ими онъ весьма искусно пользуется, какъ ораторъ.

IV.

Меньшую цѣну и достоинство имѣютъ *догматическія* разсужденія въ проповѣдяхъ Ефрема. Обстоятельствами времени и нуж-

¹⁾ См. напр. IV, 177.

дами церкви вызванный на борьбу съ многочисленными ересями; человекъ пылкаго чувства, чуткій и воспримчивый ко вѣмъ нравственнымъ запросамъ и потребностямъ общества, другъ великихъ борцовъ за чистоту православныхъ догматовъ, Василія Вол., Григорія Писскаго, онъ въ своихъ сочиненіяхъ не оставляетъ ни одного изъ современныхъ ему заблужденій мысли безъ критики. Въ его проповѣдяхъ много эпизодовъ специально посвящено полемикѣ; немало и отдѣльныхъ поученій догматическаго характера. Но въ сравненіи съ полемикой другихъ современныхъ ему проповѣдниковъ догматистовъ его опроверженія, какъ уже сказано было выше, не имѣютъ большой цѣны, какъ ни хвалить ихъ блаж. Теодоритъ Кирскій. По самому складу своихъ духовныхъ силъ, Ефремъ не могъ входить въ глубокія изысканія догматическія, которыя были бы равносильны раціоналистической діалектикѣ аріанъ и другихъ еретиковъ; онъ не разсматриваетъ ни оснований, на которыхъ утверждается истина, ни оснований лжеученія, а довольствуется указаніями на несогласіе еретическаго ученія съ вѣрой церкви, порицаніями заблужденія и увѣщаніями своихъ слушателей оставаться вѣрными истинѣ. „Хотя и грѣшенъ я, но, по милости Божіей, не дошелъ до такого скудоумія, чтобы слыша, какъ хулятъ Господа славы, не дать на сіе отзыва по мѣрѣ силъ моихъ“, такъ характеризуетъ свою полемику самъ Ефремъ ¹⁾. „Никто да не обольщаетъ тебя отступать отъ праваго исповѣданія святой пречистой и единосущной Троицы. Не потерпи, чтобы благочестивый помыслъ твой растлѣваемъ былъ людьми, растлѣнными умомъ и неискусными въ вѣрѣ, поработченными предразсудкомъ и страшашимися молвы людей“. Такъ характеризуетъ Ефремъ сектантовъ и положеніе по отношенію къ нимъ православныхъ ²⁾. „Призванные въ церковь спорать и предъ лицомъ Истинны обращаются къ празднымъ вопросамъ; зависть и ревность ожесточаютъ людей; въ бѣшенствѣ они поражаютъ другъ друга; но и звѣри хранили миръ въ ковчегѣ Ноя! Подъ предлогомъ защищенія истины наирагаютъ лукъ, мечутъ стрѣлы; страсть къ пре-

¹⁾ См. т. IV, 156.

²⁾ См. IV, 155.

піяль стала колчаномъ, всегда готовымъ давать стрѣлы сражающимся. Лукавый врагъ посягнулся надъ простотою и неопытною, отведши людей отъ истиннаго ученія, зацуталъ ихъ наразрѣшными вопросами; возбудилъ въ нихъ стремленіе къ недоступному для нихъ знанію, чтобы отвлечь отъ дозволеннаго занятія полезнымъ ученіемъ. Занимаются Писаніемъ, но не для того, чтобы преспѣвать въ благочестіи, а для того, чтобы свободнѣе проповѣдывать свои заблужденія. Удалились отъ столповъ путеуказательныхъ и, чтобы блуждать безпрепятственнѣе, обратились въ дебри. Но только тому будетъ дано узрѣть царя, кто вѣрно будетъ идти путемъ царскимъ“. Смотри такъ на дѣло, проповѣдникъ однакоже не отказывается руководить должнымъ направленіемъ христіанской мысли. „Обязанность проповѣдника изъяснить и примирить между собою тѣ изреченія Писанія, которыя неразумнымъ кажутся несогласными между собою. Онъ изъясняетъ и соглашаетъ разнорѣчащія изреченія и такимъ образомъ успокиваетъ возбужденные умы слушателей“ ¹⁾).

Нѣсколько глубже и основательнѣе говорить Ефремъ въ проповѣдяхъ о такихъ предметахъ теоретическаго ученія христіанскаго, которые не подвергались особннымъ спорамъ его времени, какъ о свободѣ, о священствѣ, о промыслѣ Божіемъ и др. ²⁾). Вообще же нѣтъ ни одного, кажется, пункта догматическаго ученія, котораго не касался бы болѣе или менѣе Ефремъ: въ словахъ „противъ дерзкихъ испытателей существа Божія“, онъ излагаетъ ученіе о непостижимости существа Божія и объ источникахъ богопознанія, каковы видимая природа, а еще болѣе—св. Писаніе,—о трехъ ипостасяхъ въ Богѣ, единомъ по существу, въ частности о Богѣ-Словѣ, о Богѣ искупителѣ и яздо-воздавателѣ, о тайнствахъ, о страшномъ судѣ, о раѣ и адѣ.

Образцемъ возвышеннаго полета мысли, чисто восточнаго фантазирования, вдохновенной силы разсужденія, силы и обилія языка, а также свойственныхъ Ефрему преувеличеній въ мысляхъ и сло-

¹⁾ См. opp. sup. т. III, р. 620.

²⁾ См. V, 130. III, 220, V, 129. и др.

вахъ можетъ служить его слово о крестѣ ¹⁾. Сказавши въ началѣ, что крестъ — похвала похвалъ для христіанъ, и праздниковъ праздникъ, и раскрывши затѣмъ въ довольно подробномъ одушевленномъ разсужденіи, въ чемъ должно состоять истинное празднованіе („покаяніе со слезами, воздержаніе отъ грѣховъ, познаніе Бога и возжеланіе вѣчныхъ благъ“ и т. д.), проповѣдникъ дѣлаетъ рядъ опредѣленій креста и показываетъ его чудодѣйственную силу.

«Крестъ — воскресеніе мертвыхъ, крестъ — узда богатыхъ, утѣшеніе бѣдныхъ, отецъ сиротъ, совѣтъ правдивыхъ, утѣшеніе скорбящихъ, хранитель младенцевъ, пѣстунъ юныхъ, свѣтъ сѣдящихъ во тьмѣ, велѣніе царей, любомудріе для варваровъ, свобода рабовъ, мудрость невѣждъ и т. д. Имъ Христосъ расторгъ всепопаяющую утробу ада, заградилъ многокозенныя уста діаволу». Между прочимъ проповѣдникъ высказываетъ при этомъ мысль, что крестъ первый явится и во второе пришествіе Христова согласно словамъ І. Христа: — *тогда явится знаменіе сына человеческого на небеси*. Это обращаетъ мысль проповѣдника къ разсужденію о предметѣ, къ которому онъ обращается почти въ каждой проповѣди при каждомъ удобномъ случаѣ — о будущемъ второмъ пришествіи І. Х. для *страшнаго суда*. «Вспомнилъ я о часѣ семъ и вострепеталъ, и отъ великаго страха желалъ бы прекратить слово, помышляя о будущемъ, что откроется по явленіи животворящаго креста. Кто опишетъ сіе, кто отважится разсказать? Какой языкъ вымолвить, какой голосъ объявить, какой слухъ виѣстить сіе? Ибо когда «силы небесныя подвигнутся», кто тогда не поколеблется? Кто не убоится, не вострепещетъ и не будетъ укрываться на тотъ часъ, когда царь царствующихъ возстанетъ съ престола славы своей, и снисшедши, посѣтитъ всю вселенную и начнетъ стязаться о словесахъ съ рабы своими, чтобы какъ праведному судіи вознаградить достойныхъ и наказать недостойныхъ? Помышляя о семъ, объемлюсь страхомъ, всѣ члены мои приходятъ въ совершенное изнеможеніе, глаза отъ страха проливаютъ слезы, голосъ оскудѣваетъ, уста цѣпенѣютъ, языкъ прилипаетъ къ гортани, помыслы умолкаютъ. Любовь побуждаетъ меня говорить для вашей пользы, а страхъ удерживаетъ меня и предписываетъ мнѣ молчать, ибо страхъ мой великъ и безмѣривъ. Подобныхъ великихъ и страшныхъ чудесъ не было отъ начала твари и не будетъ во всѣ роды.

Какъ перенесемъ мы огненную рѣку, которая, подобно свирѣпому морю, поядаетъ горы и холмы и сожигаетъ всю вселенную и всѣ дѣла въ ней? Тогда отъ сего огня рѣки изсякнутъ, источники исчезнутъ, море высохнетъ, звѣзды спадутъ съ неба, солнце померкнетъ, луна превратится

¹⁾ См. по русс. изд. т III, стр. 37.

въ кровь. небо свѣтается какъ свѣтъ. Когда увидимъ ангеловъ, которые со тщаніемъ собираютъ избранныхъ рабовъ Божіихъ отъ края до края неба, когда увидимъ, по обѣтованію Божію, небо новое и землю новую: какъ перенесемъ сіе христолюбцы? Увидимъ уготованный страшный престолъ, увидимъ Сына человѣческаго, явившагося на небѣ и животворящій крестъ, озаряющій концы земные, и каждый узнаетъ, что вслѣдъ за нимъ явится царь царствующихъ. Въ тотъ часъ каждый будетъ размышлять, какъ встрѣтиться ему съ Судією, и, сознавъ свои грѣхопаденія, станетъ нагимъ и открытымъ, ожидая приговора, какой выйдетъ отъ Него. Каждый увидитъ тогда предъ лицемъ своимъ стоящіа дѣла хорошіа и худыа. Тогда шедшіе путемъ узкимъ, всѣ искренно покаявшіеся, всѣ милостивые и страннопріимные будутъ стоять въ веселіи съ великою радостію... Ибо Онъ идетъ возвеселить подвизавшихся въ бдѣніяхъ, молитвахъ, постахъ и милостыняхъ. Идетъ возвеселить плачущихъ. Идетъ возвеселить и возвысить обнищавшихъ ради имени Его, не любившихъ міра, ни яже въ мірѣ, но все оставившихъ и Ему единому служившихъ. Идетъ не съ земли, а съ неба, подобно страшной молніи. Тогда будетъ великій вопль, возопіютъ и скажутъ: се женихъ грядетъ, се приближается Судія, се грядетъ Богъ всяческихъ судить всю вселенную и воздать каждому по дѣламъ его. Тогда, бр., отъ вопля сего содрогнутся и утроба земли отъ концевъ до концевъ ея, и море, и всѣ бездны. Тогда будутъ страхъ и тѣснота, и изступленіе обьметъ всякаго человѣка отъ вопля сего и отъ звука трубъ, и отъ страха и чаянія того, что грядетъ на вселенную. Тогда силы небесныя подвигнутся. Тогда потекутъ ангельскія воинства, а съ ними — архангельскіе лики, херувимы и многоочитые серафимы. Тогда вся тварь на небѣ и на землѣ и подъ землею, съ силою возопіетъ: благословенъ грядый Царь во имя Господне. Тогда разверзутся небеса, и откроется царь царствующихъ, подобно страшной молніи съ великою силою и несравненною славою. И узритъ Его всяко око, и яже Его прободоша, и плачъ сотворятъ о Немъ вся кѣтна земная. Тогда небо и земля обратятся въ бѣгство, какъ предвозвѣстилъ Іоаннъ: *видѣхъ престолъ великъ бѣлъ и Сѣдѣщаго на немъ, отъ Него же лица бѣжа небо и земля.* Тогда сядетъ на престолѣ славы Своея и соберутся предъ Нимъ вся языцы».

Далѣе ораторъ подобными же яркими красками и сильными чертами изображаетъ то раздѣленіе, какое въ день страшнаго суда будетъ произведено между добрыми и злыми, не смотря на ихъ прежнее положеніе въ мірѣ:

«Тогда воздохнуть властители, и не найдутъ помощника, потому что и золота невидно тамъ и лѣстцы не стоятъ предъ ними. Тогда разлучены будутъ жалкіе супруги, не сохранившіе ложе несквернымъ»... Это

изображеніе проповѣдникъ заключаетъ громкими сѣтованіями, которые влагаетъ въ уста осужденныхъ. «Какъ посмѣялся надъ нами суетный міръ! Почему, видя другихъ подвизающихся, сами не подвизались,—слушая св. Писаніе, смѣялись и издѣвались надъ читающими ихъ? Тамъ Богъ глаголялъ и мы не внимали, теперь вопіемъ мы, и Онъ отвращаетъ отъ насъ лице Свое. Какую пользу доставили намъ мірскія пріятности? Гдѣ отецъ родившій насъ? Гдѣ мать чревоболѣвшая нами? Гдѣ народная молва и уживы? Гдѣ пари и властители? Гдѣ мудрецы и витія?» «Простите святые, съ которыми разлучены мы! Простите, друзья и родные! Простите отцы и матери! Простите сыновья и дочери! Простите апостолы, мученики, пророки Господни! Прости чинъ монашескій! Прости и Ты, Владычица Богородице, ходатайствовавшая о насъ, но мы не захотѣли спастись. Прости честный и животворящій крестъ! Прости рай сладости, насажденный Господомъ! Прости горный Іерусалимъ, мати первородныхъ! Прости царство небесное! и т. д. Наконецъ каждый пойдетъ въ уготованное ему мѣсто, которое самъ себя уготовалъ, не восхотѣвъ покаяться».

Послѣ такихъ вдохновенныхъ изображеній пѣтъ надобности въ особыхъ сухихъ увѣщаніяхъ: нравоученіе проникаетъ все предшествующее разсужденіе. И проповѣдникъ оканчиваетъ проповѣдь лишь краткимъ увѣщаніемъ: возлюбите истину, чтобы послѣдовать жизнь вѣчную о Христѣ Іисусѣ.

V.

Чтобы составить наглядное понятіе о способѣ изложенія или о языкѣ въ проповѣдяхъ Ефрема, необходимо познакомиться съ употребленными имъ сравненіями, притчами или параболами, обращеніями — апострофами, молитвами, которыми часто перемежаются въ его проповѣдяхъ разсужденіе и картины. Начало слова „противъ еретиковъ“ ¹⁾ представляетъ образецъ обращеній или апострофовъ Ефрема—одной изъ главныхъ и наиболѣе художественныхъ особенностей его рѣчи.

«Люблю Евангеліе Твое, Владыка, потому что питаетъ меня, когда я голоденъ; жажду слова Твоего, потому что служить для меня источникомъ. Кого хочу созываю къ свидѣанію твоимъ, и большая часть найденнаго остается въ избыткѣ. Вкушаю со многими, хотя я одинъ. Пію со множествомъ, хотя живъ одному источаешь благодать. Чѣмъ возблагодарю Тебя, какъ не тѣмъ, что приведу самого себя съ Тобою въ согласіе; но желаю сего и

¹⁾ По русс. изд. т. III. 54.

не могу, ибо отецъ мой Адамъ требуетъ дани природѣ; употребляю усилія и встрѣчаю препятствія. Вижу, въ чемъ погрѣшаю, и обличая другихъ, самого себя обвиняю. И чтоже? молчать ли мнѣ? Но какъ докажу стремленіе свое къ Тебѣ? Буду говорить и не перестану. Желая умереть, чтобы Ты славился. Пусть узнаютъ эллины силу любви, потому что готовъ принять смерть за тебя, хотя не угрожаютъ ни мечемъ, ни огнемъ, ни иными орудіями. Увѣрь меня, что Ты поможешь мнѣ, трудящемуся, и убѣжду эллиновъ, удостовѣрь, что ты помилуешь меня страждущаго, и вступишь въ число борцовъ, стану съ дружинами эллиновъ, потому что труба призываетъ уже желающихъ изъ эллиновъ, возвыщаетъ папшество изъ Еллады на персовъ, угрожаетъ намъ наказаніемъ съ Запада».

Здѣсь же и образчикъ антитезъ Ефрема:

«Боюсь, потому что ненавидишь Ты согрѣшающихъ; но ободряюсь, потому что за нихъ Ты умеръ. Страхуюсь, потому что гнушаешься людьми плотскими; но имѣю утѣшеніе, потому что вѣдома тебѣ человѣческаго естества немощь. Какъ Творецъ, знаешь, что сотворилъ. Какъ Судія, знаешь, что осудилъ. Какъ вочеловѣчившійся знаешь, что промыслилъ. Если хочешь дать то, чего не имѣю, воззри на мое расположеніе. Нищъ я, ограбленный змѣемъ; немощенъ я, связанный тлѣніемъ. Утратилъ я даръ твой и потому не имѣю совершеннаго благоразумія; утратилъ я общеніе съ Тобою, потому не знаю, куда иду. Крайне нищъ я; если же обогащусь, все это будетъ Твое дарованіе. Исповѣдую, что чрезъ Тебя спасусь, если спасусь». Затѣмъ проповѣдникъ говоритъ, что ему извѣстенъ одинъ богачъ, который, узнавъ о сокровищѣ папшѣ, продалъ все и купилъ папшю (Мо. XIII, 44) и другой, который сдѣлалъ то же, чтобы купить драгоценную жемчужину (— 46). На этой жемчужинѣ хочетъ остановиться проповѣдникъ, чтобы чрезъ объясненіе ея образованія и природы, согласно естественно-историческимъ свѣдѣніямъ своего времени, пояснить непорочное зачатіе и рожденіе Пресвятой Дѣвой Бога-Сына, вопреки толкованіямъ о томъ Маркіона и Мавеса. Но прежде чѣмъ приступить къ такому толкованію, онъ не можетъ удержаться, чтобы не сдѣлать нѣсколько сравненій. Жемчугъ дорогъ, по самой трудности находить его. Не снѣдъ составляетъ онъ, а предметъ роскоши. Деньги въ металлѣ обременяютъ, — жемчугъ облегчаетъ эту тяжесть, онъ малъ, но многомогъ, удобенъ для пошенія, легко его спрятать, хотя трудно находить. *Таково и небесное царство*, таково Божіе слово въ краткомъ объемѣ заключающее великую силу тайнъ... *Въ высокомъ домѣ есть ступени*, по которымъ восходятъ на верхъ; и въ *Евангеліи есть разности* между приближающимися къ Богу. Нищъ ты? оно служитъ для тебя хлѣбомъ. Немощенъ ты, оно питаетъ тебя зеленью. Тучному даетъ горячку, у кого болитъ печень, тому подается

вино. Инымъ предлагается вѣсто рыбы или пшеницы. Для нѣкоторыхъ служить серпомъ или сѣкирой. Оно подаетъ пождь для руководѣній. Бьетъ бичемъ въ вервѣй, вразумляетъ жезломъ, наказуетъ тростию. *Все это ступени въ Евангеліи*, все это сказано въ притчахъ. Ему извѣстны и богатые добродѣтели и нищія, помощныя цѣлоу и здравые. Знаетъ оно сильныхъ въ благочестіи и разслабленныхъ. Многихъ оно убиваетъ мечемъ, отсѣкая отъ идоловъ. Для недужныхъ оно врачъ, для подвижниковъ — издвоздатель... Много въ немъ притчей, въ которыхъ во всѣхъ изображается однако одинъ неизмѣняемый.

Затѣмъ проповѣдникъ переходитъ къ главной темѣ проповѣди къ параллели между жемчужомъ и І. Христомъ. Для ознакомленія съ этой параллелью мы однакожь отсылаемъ читателей къ самому слову, такъ оно очень обширно для выписки въ журнальной статьѣ.

Нельзя назвать также нисколько удачными сравненія, метафоры и другіе цвѣты краснорѣчія. изъ которыхъ Ефремъ срисовываетъ похвальное слово св. Василію. „Хочу соткать ткань изъ прекрасной шерсти словесной овцы. Желая соткать преузорочный хитонъ изъ руна провождельныхъ умныхъ усть... Видѣлъ я пѣкюгда овна, у котораго была прекрасная шерсть и словесные рога въщали божественно... Хотите ли слышать. кто этотъ овень, „шерстію своею согрѣвающій нищихъ и рогами бодущій богатыхъ? Это Василій, епископствовавшій въ каппадокійской области... Снова намъ надобно взяться за челонокъ духа и приготовить мысленную нить, и хотя до того простереться на сей работѣ, чтобы на основѣ начать и утѣкъ“... „Какъ ублажить тебя, отче Василіе! Ты остнами бодешь и гонишь заблужденіе, разумно отираешься вѣстѣ съ иже-лами, привитаешь на дугу Боговдохновенныхъ Писаній, и тамъ собираешь для пастъ цвѣты пророческіе, росу апостольскую, всегда возсѣдши въ ульяхъ добродѣтелей и дѣлаешь намъ изъ нихъ божественную ограду; ты премудро о Духѣ Святомъ выдѣлываешь медь божественной и неукоризненной вѣры“. Этотъ наборъ замысловатыхъ эпитетовъ противоположеній, сравненій, для нашего уха не совсѣмъ обыченъ, но онъ былъ совершенно въ характерѣ восточной рѣчи и слушателямъ Ефрема конечно правился.

Гораздо лучше чѣмъ сравненія. въ проповѣдяхъ Ефрема *притчи или параболы*, къ которымъ онъ обращается весьма нерѣдко для

объясненія своихъ понятій ¹⁾. Таково напр. все второе его поученіе на слова: „внимай себѣ“, которое есть ни что иное, какъ одна сплошная параболѣ.

«Два человѣка шли въ городъ, отстоявшій на тридцать стадій. Отойдя двѣ или три стадіи, они вступили въ тѣнистую живописную рощу, въ которой журчали ручьи. Одинъ прошелъ чрезъ рощу скоро, торопясь въ городъ; другой остановился полюбоваться живописными видами и насладиться отдыхомъ въ тѣни. Выбѣжалъ звѣрь, схватилъ его и увлекъ въ свое логовище. Первый же благополучно достигъ города». Братъ сказалъ: желаю слышать объясненіе на это. «Слушай при содѣйствующей намъ благодати. Два человѣка — это люди, вступившіе на путь благочестія и желающіе подвизаться на немъ. Врагъ, желая совратить ихъ съ этого пути, внушаетъ имъ бѣсовскія пожеланія: тщеславіе, любовачаліе, гордость и все тому подобное. Кто спѣшитъ достигнуть почести вышняго званія, того не задержать соблазны... А развлекшійся красотою мѣстоположенія означаетъ человѣка, который отъ невидимаго склоняетъ умъ свой къ видимому. Знай—это трудъ добродѣтелей. А что человѣкъ замедляетъ на мѣстѣ и дѣлается добычею звѣря—это значитъ останавливать помыслъ на вождѣленіи земного, и изъ этого вождѣленія подобно лютому звѣрю выходить грѣхъ и овладѣваетъ человѣкомъ... Посему будемъ бѣгать мірскихъ похотей... Господь же да дастъ намъ и дѣлать и мыслить угодное Ему».

Не менѣе, чѣмъ въ цвѣтистыхъ, пылканыхъ сравненіяхъ, метафорахъ, противоположеніяхъ и въ параболѣхъ восточный характеръ рѣчи Ефрема сказывается въ исполненныхъ мудрости духовной гномахъ или краткихъ изреченіяхъ, сильныхъ своею очевидною истинностію, не требующею доказательствъ. Не говоря объ особой группѣ его аскетическихъ поученій, предложенныхъ по этому методу, не рѣдко самыя проповѣди его состоятъ изъ ряда подобныхъ краткихъ изреченій. „Желаешь найти правильный образъ жизни? Упражняйся въ самоупниженіи“. „Сѣти, которыми уловить нѣтъ врагъ, помазаны медомъ; желая отвѣдать сладкаго, попадешь въ сѣти врага“. „Влаженъ человѣкъ, любящій только всеблагаго и милосердаго Бога, и свободный отъ всякой суетности“. „Полагай твердое основаніе зданію, чтобы подвять его до наибольшей высоты“. „Люби Бога, чтобы и Онъ возлюбилъ тебя“. „Предъ желаніемъ—страсть, послѣ удовлетворенія желанія—не-

¹⁾ См. напримѣръ въ русск. изд. т. I, 378, 393, т. II, стр. 211, 231, 259. Христ. Чтен., № 5 6, 1886 г. 50

чалъ". Творенія Ефрема представляютъ богатѣйшее собраніе этой гномической мудрости христіанской, плодъ глубокаго духовнаго опыта этого великаго учителя.

Лучшую наиболѣе ораторскую, какъ и наиболѣе поэтическую, наиболѣе характерическую часть проповѣдей Ефрема составляютъ обращенія (анострофы), нѣсколько примѣровъ которыхъ мы уже видѣли раньше, молитвы и просопоиен ¹⁾. Приводить здѣсь примѣры ихъ—вѣтъ надобности, такъ какъ тѣ и другія встрѣчаются почти въ каждой его проповѣди, то въ началѣ, то въ концѣ, а нерѣдко и въ среднѣхъ. Отдѣльныя молитвы его, изъ которыхъ многія вошли во всеобщее богослужебное употребленіе и поныняются въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, составляютъ вѣнецъ словеснаго творчества великаго учителя церкви.

Подводя итогъ разсужденій о св. Ефремѣ, слѣдуетъ сказать, что это былъ великій ораторъ, возвышенный полетомъ своего духа, своимъ неисчерпаемымъ богатствомъ мысли, слова и выраженія, пылкостью своей творческой фантазіи, могучей силой своего дара изображенія. Приведенныя нами выдержки изъ его проповѣдей могутъ дать лишь слабое представленіе о силѣ и свойствахъ его краснорѣчія. Соответственно своей задачѣ быть правдивымъ и всестороннимъ повѣствованіемъ, исторія проповѣди указываетъ въ немъ и слабыя стороны, какъ въ ораторѣ; но это лишь незначительная пятна въ величественно-лучезарномъ, далеко сіяющемъ всемірномъ свѣтильникѣ вѣры. Болѣе возвышеннаго полета мысли и полнаго великолѣлія и богатства слова нельзя найти ни у одного изъ проповѣдниковъ древняго и новаго времени. Проповѣдь Ефрема представляетъ послѣднее слово, послѣднее, самое полное, выраженіе, апогей развитія того непосредственно собственнаго христіанскаго учительства, которое, возникая единственно изъ воодушевленія христіанствомъ, его міросозерцаніемъ и идеалами жизни, основывается единственно на силѣ убѣжденія и вѣрованія строгаго-религіознаго, на основаніяхъ, даваемыхъ положительнымъ ученіемъ Откровенія Божественнаго.

Н. Барсовъ.

¹⁾ См. еще примѣры ихъ по русс. изд. т. II, 122, т. IV, 237, т. V 104 и др.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки